

ДЕРЖИОБЛАКО

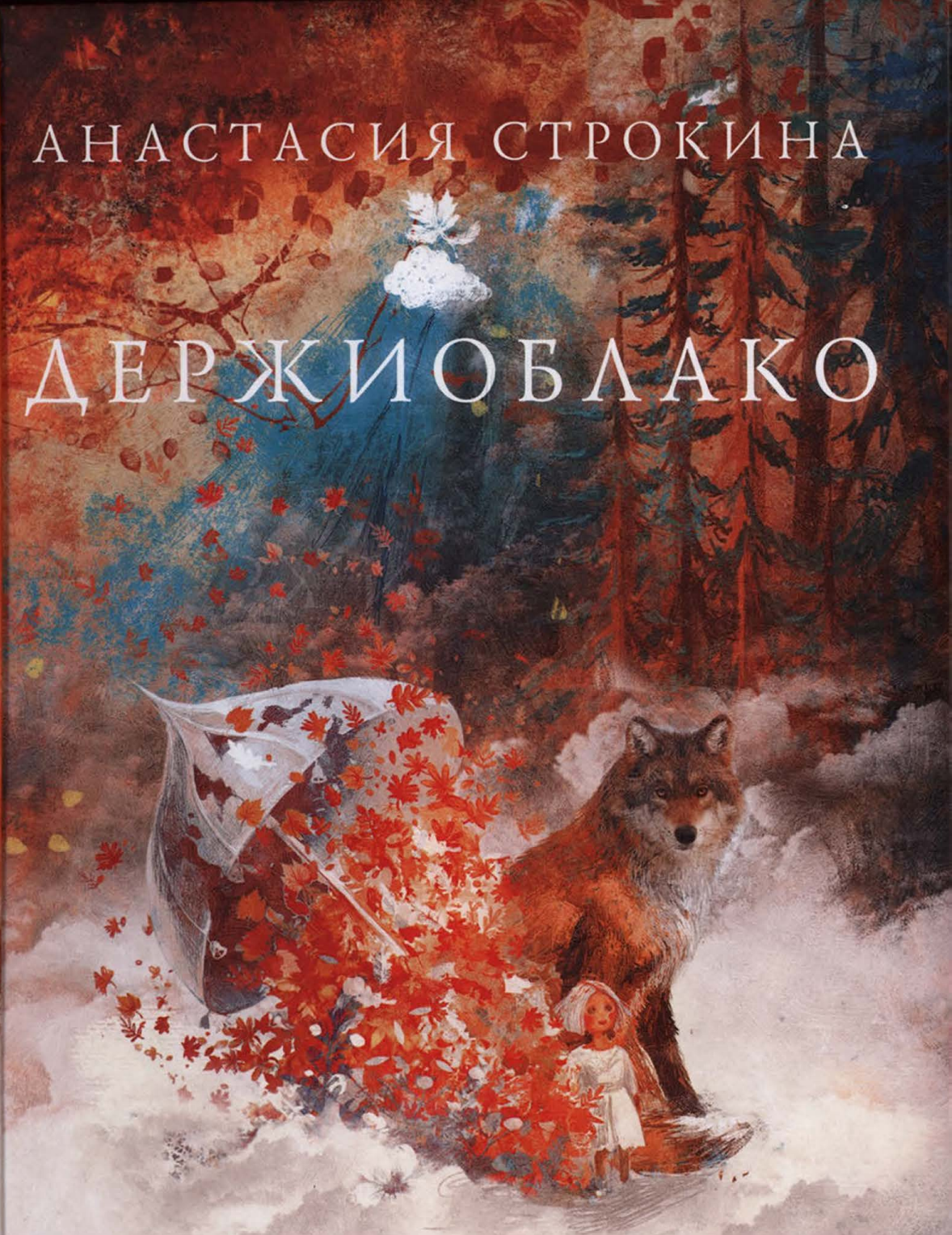


АНАСТАСИЯ
СТРОКИНА



АНАСТАСИЯ СТРОКИНА

ДЕРЖИОБЛАКО



ИЛЛЮСТРАЦИИ ЕВЫ ЭЛЛЕР





На вершине Белой Горы живет Человек-Великан.

Он такой высокий, что его голова доходит до самого неба и никто никогда не видел его лица.

Этот Великан там — с самого начала Земли.

Говорят, если он сойдет с вершины, то все материки распадутся и разлетятся, и будет где-нибудь в небе без дела кружить Австралия, и одинокая Африка затеряется среди звезд.

И тогда — всё пропало! Такой он, говорят, могучий.

Совсем как мы, люди, только сильный и знает все тайны и ответы на все вопросы! Зовут этого Великана Держиоблако. Ему известен даже рецепт от страха. Вот к нему и отправляются наши герои — куча листьев и перьев по имени Платон, волколис Август и деревянная кукла Макка...



ISBN 978-5-907362-14-7



9 785907 362147

ЕАС



Поле

Город

Озеро
Кулик

Дом
Мастера Муна

Дом, сад и
старика

Белая
Гора

Деревня
Дворики

Пурпурный
Лес

Заброшенный
дом

голубятня
Капитакана



АНАСТАСИЯ СТРОКИНА

ДЕРЖИ ОБЛАКО

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЕВЫ ЭЛЛЕР



МОСКВА • 2021

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
С86

Строкина, Анастасия.

С86 Держиоблако / Анастасия Строкина ; ил. Евы Эллер. —
М. : Пять четвертей, 2021. — 224 с. : ил. — (Понарошку).
ISBN 978-5-907362-14-7

Поклонникам волшебных историй известно, что Анастасия Строкина пишет необычные и глубокие философские сказки. «Держиоблако», конечно, не исключение. Если добавить к мастерски написанному тексту еще и невероятные иллюстрации эстонской художницы Евы Эллер, которые по праву можно сравнить с работами Геннадия Спирина, то получится настоящее коллекционное издание для книголюбов всех возрастов.

Главный герой Платон — странное существо из листьев и перьев. Само его имя настраивает читателя на философский лад. Это и не удивительно: героям — Платону, лесному зверю волколису Августу и деревянной кукле Макке — предстоит пройти непростой путь в поисках ответов на важные вопросы о смысле жизни, о ценности семьи и дружбы, о вере, предательстве и прощении.

Анастасия Строкина — писатель, поэт, переводчик. Дважды дипломант Международной детской литературной премии им. В.П. Крапивина, лауреат Всероссийской премии на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру», Общероссийской литературной премии «Дальний Восток» им. В.К. Арсеньева. Анастасия знает девять иностранных языков, а в своей книге знакомит читателей с новым — волколисым — языком.

УДК 821.161.1-053.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

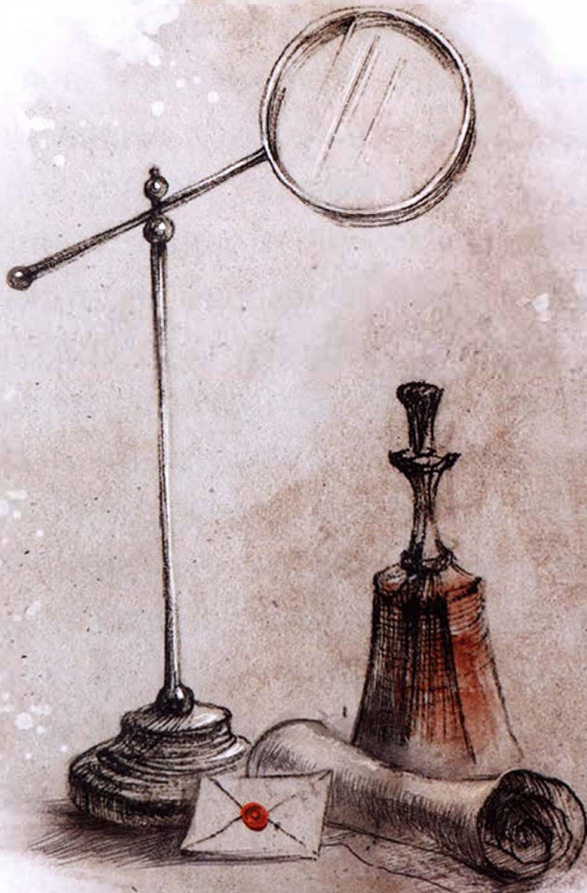
© Строкина А. И., текст, 2021
© Оформление.

ISBN 978-5-907362-14-7

ООО «ИД «Пять четвертей», 2021

Но сначала скажи мне,
присутствовал ли ты сам
при этой беседе или нет?

Платон. Пир



КТО ТЫ, КУЧА СУХИХ ЛИСТЬЕВ?

«Тимьян ты ползучий!»

Поздним вечером, 9 июля, в маленьком доме на Фонарной улице аптекарь Мастер Мун сидел у окна, перебирая в голове названия трав.

«Кого это принесло в такое время?»

В вечерней тишине кто-то стучал в дверь.

«Только бы не малышка Мола! Хоть бы ей уже стало полегче!» — аптекарь переживал за рыжеволосую девочку: ей бы хотелось бегать, играть, а не сидеть дома с микстурами. «Или старику Капитакану сделалось хуже? Хороший он старик, добрый», — мелькнуло у Мастера Муна в голове. Он подумал про голубей, которых держал Капитакан: серые, белые, коричневые, они часто летали над городом, а потом возвращались в голубятню, что стояла в саду старика на самой окраине. «И сад у него большой, шумный», — вспомнил Мастер Мун и улыбнулся.



Он накинул аптекарский халат и поспешил к двери. Такой у него был характер: если кто-то нуждался в помощи, Мастер Мун откладывал все свои дела и заботы и старался помочь.

«Тук-тук-тук-ту...» — не успел гость достучать, как Мастер Мун уже открыл дверь. И замер. Застыл. Окаменел.

«Марьин корень!» — удивился он.

Как бы он мечтал сейчас подняться на второй этаж в спальню, спрятаться под одеяло, заснуть и чтобы наутро всё это оказалось просто сном. Но он не шевелился. И это был не сон.

Перед аптекарем стояла пестрая — с метростом — куча сухих листьев и разноцветных перьев. Она держала палку, которой только что отчаянно колотила в дверь.

— Что же ты молчишь? Я хочу поговорить! Я так хочу поговорить! — с волнением, но шепотом произнесла куча листьев. — И еще я очень хочу пить.

Мастер Мун по-прежнему не шевелился и от неожиданности даже забыл, что нужно дышать. Но слова странного существа как будто укололи его, и он очнулся, моргнул, вдохнул поглубже и произнес:

— Я понял. То есть я не понял. Поговорить?

Куча листьев по-прежнему стояла на пороге перед открытой дверью. В это время мимо дома аптекаря проходил его знакомый и, увидев Мастера Муна, закричал:

— Где это ты столько листьев насобирал? Еще и летом! — знакомый подошел ближе: — Слушай! И правда, зачем тебе?

Мастер Мун быстро сгреб кучу в дом, запер дверь и ответил в окно:

— Камин растоплю!

— Так жара же на улице! — удивился знакомый.

Но Мастер Мун уже не слышал его. Дом аптекаря наполнился шорохами, в занавесках поселился ветер, повсюду летал запах земли и сухих листьев.

Гость стоял в середине комнаты, покачиваясь из стороны в сторону, и шептал:

— Ну давай поговорим! О разном поговорим! На свете столько всего, о чем можно бесконечно разговаривать! И еще хотелось бы поесть! И попить! А ты стоишь и ничего не делаешь! И молчишь!

Мастер Мун понял, что деваться некуда: нужно взять себя в руки и выяснить, что здесь

происходит и не сошел ли он случайно с ума. Для начала аптекарь ущипнул себя за ухо: «Мята ж ты перечная! Больно как! Значит, я не сплю. Значит, это всё наяву». Он еще немного помешкал, огляделся и перебил болтавшую без остановки кучу листьев и перьев:

— Хорошо. Давай так. Если тебе что-то надо от меня, то не мешало бы для начала представиться.

— Вот именно! Сколько я уже стою перед тобой? — возмутилось существо. — Сто пять твоих вдохов я стою перед тобой, а ты до сих пор не назвал своего имени!

Аптекарь не стал спорить и покорно произнес:

— Мастер Мун. Вот такое у меня имя. А теперь ты назовешь свое! И еще скажешь мне, почему ты всё время говоришь шепотом.

Существо задумалось:

— У меня нет другого голоса, кроме шепота. Но я знаю, что меня услышит всякий! А еще... кажется, у меня нет имени.

— Как это? Тебя никто никогда не называл?

— Никто и никогда, — ответило существо. — Потому что мне не нужно было никакого имени.

ПОГОВОРИ СО МНОЙ

— А вот что мне нужно, — замялся гость, — так это поесть! У тебя есть рис? А изюм? А мед? И еще суп, например? И блины! Ну так что? Поговори со мной! Не оставляй меня! И угости поскорее!

Мастер Мун наконец решил накормить настойчивого гостя: поставил вариться рис, разогрел суп и напек блинов. Мысли его совсем запутались. А он этого не любил. Ему нравилось, когда всё просто и понятно, как в рецепте таблеток от кашля.

— Что это у вас в городке все такие хмурые? — спросило существо.

Мастер Мун опустил голову. Он и сам давно уже печалился по этому поводу:

— Они не хмурые. Они просто боятся. Каждый день в нашем городке какой-то новый страх. Людей пугает то эпидемия, то нашествие летучих мышей, то ураган, то засуха, то голуби

старика Капитакана! У него такие красивые голуби, но люди не любят их и гонят отовсюду. И никто у нас не ходит в гости, никто не веселится, не танцует, не радуется.

— Так ты же аптекарь! Придумай им лекарство от страха!

— Я пытался, — вздохнул Мастер Мун. — Но пока ничего не получилось.

Рис сварился, суп согрелся, блины нежно пахли корицей.

«Нет, это невозможно, — думал аптекарь. — Ночь, а я ужинаю с кучей листьев и перьев. Говорящей. Я сошел с ума. Я просто сошел с ума. Другого объяснения нет. Завтра я приду к самому себе в аптеку и сам себе продам успокоительный чай».

* * *

— А давай мы тебя хоть как-нибудь назовем! — предложил аптекарь.

Существо не очень-то этого хотело, но всё же огляделось в поисках имени. В гостиной аптекаря не было ничего примечательного. Всё самое интересное находилось за дверью в аптеку —

там, где Мастер Мун продавал лекарства. Там с потолка свисало настоящее чучело каймана, на правой стене красовался китовый ус, а к левой прислонился высокий шкаф с полками, где притаились бутылки и колбочки разных размеров и цветов.

Но существо не знало, какие чудеса творятся за дверью, и продолжало выискивать здесь, в гостиной, интересный предмет, который мог бы подсказать ему имя. Оно поднялось и зашелестело — вправо, влево.

— Ничего, ничего, ничего, — бормотало оно и вдруг остановилось у книжного шкафа. — Вот! — торжественно заявил гость и снял с полки старую книгу с кожаным корешком.

НОВОЕ ИМЯ

— Что — вот? — удивился аптекарь, рассматривая книгу.

— Я хочу себе имя того, кто написал этот большой, тяжелый и, судя по всему, уважаемый том!

Мастер Мун рассмеялся:

— Так книга — это то, что внутри! А ты даже не читал ее! Ты вообще умеешь читать?

— Да не важно! — ответило существо. — Что бы там ни было, оно написано интересным человеком с известным именем, я уверен! Люди не стали бы делать такую книгу из чепухи!

«Как же ты ошибаешься, — подумал Мастер Мун. — Люди как раз любят делать важное из чепухи, называть чепуху красивой и умной, ставить ей памятники и изучать в школах. У каждого человека есть своя чепуха, которая беззастенчиво сияет, как звезда. Потому что человек верит в нее». Но эта книга и в самом деле

была ценной, поэтому аптекарь вслух ничего не сказал, а просто спросил:

— И что же, ты хочешь, чтобы тебя звали Платоном?

— Как, прости?

— Платон. Это имя автора книги.

— Пла-тон? — переспросило существо. — Известный? Где он живет?

— Он не просто известный. Платон — великий! Родом из Древних Афин.

— Хм. Ни разу не слышал. Он разве не местный? И чем он вообще занимается?

— Послушай, он уже умер. Много-много веков назад. А занимался он тем, что... думал о жизни и о том, что будет после нее, он размышлял о людях, о государстве и его правителях.

— Выходит, он просто думал, и всё? — недоумевало существо. — И ни с кем не сражался, и ничего не завоевывал? И даже не открыл новую землю? Даже маленький остров не открыл?

— Остров можно открыть по-разному, — ответил Мастер Мун. — И совсем не обязательно для этого пускаться в плавание.

Существо явно расстроилось и принялось шуршать по комнате взад-вперед. Но потом

всё же приблизилось к Мастеру Муну и робко спросило:

— Ты точно знаешь, что этот Платон был ничего себе? Точно он славный парень, а не какой-нибудь прохвост?

Мастер Мун рассмеялся и кивнул:

— Горькая ж ты полынь! Да, с таким именем не пропадешь!

— Ладно, поверю тебе. Хотя и не понимаю, зачем мне имя. Мне и без него хорошо и свободно! А теперь мне придется попрощаться с моим не-именем!

Аптекарь обрадовался — хоть что-то прояснилось! В эту секунду существо перестало быть безымянным.

ТАК ЧТО ТЕБЕ НУЖНО?

Мастер Мун немного успокоился — всё же беседовать с тем, у кого есть имя, приятнее.

— А теперь, Платон, дорогой Платон, скажи мне, откуда ты и что тебе от меня нужно.

— Я только хотел поговорить. И поесть. Но поговорить — больше.

— А где ты жил до этого?

— Не помню. В разных каких-то местах. В одном было много солнца, в другом шел снег, в третьем пахло рыбой — живой, скользкой, сверкающей. А теперь у меня нет дома, и я иду.

— Пятнистый зверобой! И куда же это ты идешь? — Мастер Мун окончательно запутался.

— Не знаю. Я потому и пришел — чтобы ты придумал, куда мне нужно идти.

— Я?! — аптекарь не поверил своим ушам. — Но почему я?

— Ты — потому что у тебя горел свет. В этом городе так мало света по ночам. И я пришел к тебе.

Платон съел тарелку супа, над которой поднимался ароматный пар, изюм, вареный рис, горку блинов с маслом и медом, выпил шесть стаканов киселя и причмокнул, а Мастер Мун так и не понял, где у гостя рот, глаза и куда попадает еда. Еще немного, и у него совсем не останется ничего съестного. «Надеюсь, хотя бы лекарства и микстуры он не ест», — заволновался аптекарь.

— Ну и что? — шептал Платон. — Что ты придумаешь для меня? Понимаешь, я хочу, чтобы у моего пути была цель! Интересная! И если у пути будет цель, значит, будет и направление!

— Хм-м... Может, тебе отправиться учиться? — предложил Мастер Мун.

— Нет! Потому что путь — это и есть учеба!

— А как насчет поработать? Я могу устроить тебя в аптеку. Будешь помогать продавать лекарства.

— Нет! Потому что путь — это и есть работа!

— Тогда тебе нужно отправиться туда, где живут такие же, как ты, выбрать самую красивую кучу листьев — настоящую принцессу — и влюбиться!



— Вот еще! Ни за что на свете! Потому что путь — это и есть любовь!

— Ну и ладно! Барбарис ты амурский! — Мастер Мун с грохотом поставил кружку на стол. — Нет у меня больше идей! Если тебе так важен путь — вот и иди себе! Хоть сейчас уходи!

А Платон продолжал как ни в чем не бывало:

— Да ты пойми! Путь — это всё что угодно!

— Тогда чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты придумал мне интересную цель! Чтобы я шел со смыслом!

— Не знаю я никакого смысла! Я сам живу как живу: собираю травы, готовлю лекарства, помогаю людям, смотрю на море, жарю кабачки и...

В ПОИСКАХ ЦЕЛИ

— Платон, послушай, — голос Мастера Муна сделался загадочным. — Я, кажется, кое-что придумал!

Оба замолчали. Куча листьев замерла, и ветерок внутри нее не дышал.

— За городом есть озеро, — медленно произнес Мастер Мун, — за озером — поле, за полем — деревня, за деревней — три холма и река, а за ней — Белая Гора. Слышал про нее?

Платон восторгнулся. Если бы у него была голова, он бы покачал ею:

— Ничего никогда не слышал! А если и слышал, то забыл.

— Тогда поверь мне на слово. Белая Гора известна не только в нашем городке, но и далеко-далеко от него — за Пурпурным Лесом, за полем, за морем, — может, и на всей земле нет такого места, где бы о ней не знали!

— Что в ней особенного? — насторожился Платон.

— Дело не в горе. Дело в том, что на ее вершине живет Человек-Великан. Он такой высокий, что его голова доходит до самого неба и никто никогда не видел его лица. Этот Великан там — с самого начала земли. Говорят, если он сойдет с вершины, то все материки распадутся и разлетятся, и будет где-нибудь в небе без дела кружить Австралия, и одинокая Африка затеряется среди звезд. И тогда — всё пропало! Такой он, говорят, могучий. Совсем как мы, люди, только сильный и знает все тайны и ответы на все вопросы! Зовут этого Великана Держиоблако. Так вот... Я бы хотел узнать у него рецепт от страха.

— Ничего себе! — удивился Платон. — И ты в это веришь?

— Так же, как в то, что ты сейчас сидишь передо мной, проглотив все мои съестные припасы!

— Как — все? Не может быть! — расстроился Платон. — Я думал попросить еще чего-нибудь!

— Всё закончилось! — с досадой произнес Мастер Мун. — Завтра днем я схожу в лавку

и принесу тебе еще изюма! И меда! И всего разного!

— Завтра днем, — повторил Платон, — я уже буду в пути. И если ты не обманул меня... если этот Человек-Великан и правда существует, тогда у моего пути появится цель!

— Мне незачем тебя обманывать, — вздохнул Мастер Мун.

Ему стало грустно: завтра Платон уйдет, а ему даже не с кем поделиться этой странной ночной историей. Всякий решит, что аптекарь сошел с ума, и эта новость тут же разнесется по всему городку. Жители испугаются и не будут больше приходить к нему за лекарствами. «Потому что люди то и дело ищут, чего бояться, кому не доверять, кого обходить стороной и считать причиной всех бед и несчастий», — подумал аптекарь и еще раз вздохнул.

— Я узнаю рецепт от страха! — заявил Платон. — И ты вылечишь всех, кто живет в этом городке! Только ты дай мне в дорогу еды!

Рано утром, до рассвета, аптекарь отправился в лавку за покупками. Лавочник, конечно, еще спал, но Мастер Мун разбудил его долгим настойчивым стуком.

— Мне двадцать пакетиков изюма, мешок риса, три пачки печенья, конфеты, банку меда и еще орехов, палку колбасы и литр киселя.

— Вы это чего, Мастер Мун? Решили отправиться в кругосветное путешествие? С утра пораньше? — удивился лавочник.

— Береза ты манчжурская! — ответил аптекарь, поспешно забрал покупки и вышел из лавки — чтобы ее хозяин больше ничего не спросил и не заподозрил.

ПЕРЕД ПУТЕМ

Платон ждал на кухне, и ветерок внутри него торопился: «Скорее бы! Скорее уже продолжить путь! Теперь есть цель! Держиоблако!»

— А может, я провожу тебя немного? Хотя бы до деревни, — предложил Мастер Мун. — Мало ли кто встретится тебе на улице!

— Я пойду один. Мне хочется попрощаться с этим городом в одиночестве.

— Ладно, как знаешь, — Мастер Мун не хотел спорить. — Только постарайся, чтобы никто тебя не заметил! А то дворник мигом тебя сожжет или мальчишки запинают: это же так весело — шуршать сухими листьями! Да еще и в разгар лета! Остерегайся серого бесхвостого кота Бартоломея и собак — они могут помочиться прямо на тебя! Не подходи к крысам! Вредные грызуны так и ждут — чего бы пожевать. Не стой под птичьими гнездами! Прячься от дождя и ветра! Держись подальше от огня и...

— Ну хватит! Хватит! Я и этого не запомнил! На меня помочится дворник, запинаят крысы и сожгут злые коты! Так? Не волнуйся! Я буду осторожен!

Аптекарь махнул рукой: «Что с него возьмешь? Это же просто куча листьев и перьев!» Он достал ящик из-под овощей, смастерил деревянные колесики, прикрутил их ко дну ящика, набил его едой, привязал к нему веревку и вручил другой ее конец Платону:

— Вот, сможешь его катить — будет не тяжело, — и тихо добавил: — Береги себя, дурнишник колючий! И ящик свой береги. Там много всего вкусного!

Платон подпрыгнул, и ветерок нежно обнял Мастера Муна, будто погладил по щеке.

— Ты обязательно получишь рецепт от страха! И люди станут ходить друг к другу в гости, и будет праздник! Жди!

Дверь захлопнулась.

И аптекарь остался один.

«Что же это такое было? — подумал он. — Как это возможно? Почему Платон пришел именно ко мне? Как вообще куча листьев и перьев может ходить?»



У него не было ни одного ответа, только чувство, что он попрощался с давним знакомым.

«Собачья роза!» — возмутился про себя Мастер Мун, лег на диван и тут же заснул — после странной бессонной ночи, о которой он никогда никому не расскажет.

НАЧАЛО ПУТИ

В субботний день городок просыпался медленно. Первый звук — щелканье ставен в доме госпожи Герании. Она вставала в пять утра и поливала цветы на балконе. Вода капала на землю — ток-ток — и стекала вниз по тротуару, собираясь в прозрачной лужице. Каждое утро серый кот Бартоломей, потерявший хвост в одной из битв, приходил к этой лужице — попить воды после утомительной ночной охоты или еще какого-нибудь кошачьего приключения. Бартоломей разгонял сонных голубей — они взлетали, хлопали крыльями и заводили свою утреннюю болтовню. От этого шума просыпались другие пернатые, и вскоре воздух наполнялся птичьими голосами. За птицами в воздухе появлялись жуки, врезались спросонья в стволы деревьев и окна. «Ток-ток, тук-тук, ж-ж-ж-ж, фьюит-фьюит!» — городок еще не проснулся, а уже вовсю звучал.

Но в то раннее утро к привычным звукам прибавилось подозрительное шуршание и грохот деревянного ящика.

Платон сидел на нем, как на плоту, отталкивался палкой и катился по мостовой.

Люди еще спали — никто из них не заметил Платона, никто не воскликнул «Что за чертовщина!», никто не кинул в него камень и не вылил на него ведро воды с криками «Сгинь, нечистая сила!». Не то чтобы они все были такими неприступными, но страх перед новым и непонятным всегда оказывался сильнее прочих чувств. А Платон наверняка показался бы им странным. Так что ему повезло, что жители городка еще не проснулись.

Но кот Бартоломей, напившись воды из лужи, лежал на городской скамейке и шарил глазищами. В животе у него кроме воды ничего не было. Она журчала и не давала коту уснуть. Вдруг он прищелкнул и принялся. «Вот это удача! Ящик с едой! Просто так! Сам по себе! Какая-то куча листьев — не в счет!» — Бартоломей не верил своему счастью. У кота был острый нюх, и он быстро сообразил, что в ящике припрятана колбаса и наверняка что-то еще! Ни за что на свете он не дал бы такому сокровищу уйти!

Кот подождал, когда ящик подойдет поближе, напряг задние лапы, всмотрелся, прицелился и взлетел в прыжке. Но полет был недолгим, и Бартоломей плюхнулся на землю, неуклюже расставив лапы. Ящик покачнулся, хлопнул крышкой, и из него вывалилась колбаса. Только загадочная куча листьев и перьев не стала ее подбирать, а забралась на ящик, оттолкнулась палкой и рванула от кота наутек.

Бартоломей недоуменно фыркнул и передернул ушами. Пока он решал, что делать — схватить колбасу или попытаться догнать ящик, отовсюду налетели птицы — серо-белое облако. Они истошно кричали, а одна из них даже клюнула Бартоломея в ухо. Кот мявкнул, зажал клыками колбасу и побежал в сторону Фонарной улицы, обмочив лапы в луже — долго еще виднелись на тротуаре его мокрые следы. А пернатое облако растаяло — так же внезапно, как появилось.

ДАЛЬШЕ

Птичий шум разбудил жителей: в окнах показались недовольные лица, и Платон испугался. «Что, если кот — только начало? Что, если люди намного страшнее? Что здесь понадобилось птицам? Может, они тоже охотились за едой?» — вопросы возникали без конца, но времени на размышления не было: нужно спасти не только ящик, но и собственные перья с листьями!

Платон еще немного постоял, отдышался и тихо-тихо, чтобы никто не слышал, отправился в парк — там, среди зелени, подумал он, будет безопаснее всего.

Весь день, пока улицы шумели, смеялись, цокали, болтали, он провел в широком кусте жасмина, прячась от котов, людей и других животных. А колбасы ему было ничуть не жаль.

«Интересно, как живет жасмин под землей? — размышлял Платон, сидя в кусте. — Он такой же тихоня? Или, может, там, в темных лабиринтах,

он грабит подземных мышей, щекочет слепых кротов, ходит на секретные встречи с корнями других кустарников-бандитов?»

Под эти мысли Платон уснул, а когда проснулся, был уже вечер: тени стали длиннее, улицы — свободнее. Он выполз из куста и продолжил путь, катясь медленно и осторожно — чтобы не греметь.

«Еще немножко, самую малость, — подбадривал себя Платон, — и закончатся все эти улицы. Вот я похрущу печеньем тогда! Вот я поеду по камням и кочкам, по кривым дорожкам — с грохотом, от которого у коров отвалятся рога!»

Но на самой окраине города, заброшенной, мрачной, безлюдной, Платону пришлось задержаться из-за дождя.

ХОЗЯИН ХВОСТА

«Вот напасть! — буркнул Платон и посмотрел на большую грустную тучу-дирижабль. — Так у меня весь рис промокнет!» Он забрался под балкон необитаемого дома. Но и там оказалось беспокойно. Один за другим на него стали падать камешки.

— Да что же это за дождь с камнями! — окончательно разозлился Платон, вышел из своего укрытия и посмотрел вверх. Он собирался поругаться с тучей и сказать ей, что она злая и невежливая и чтобы она немедленно прекратила свой камнедождь, как неожиданно увидел намокший серо-рыжий хвост, который свисал со старого балкона на чердаке. Этот хвост, словно маятник, качался то вправо, то влево, скидывая обломки штукатурки с полуразрушенного балкона.

Платон только сейчас заметил, каким ветхим был дом: казалось, стены вот-вот обвалятся и раздавят его и от Платона останется одно



мокрое место — он как раз недавно выпил весь кисель.

— Эй ты там, наверху! — прошептал Платон. И хотя голос его был тихим, он взвился высоко-высоко и залетел непонятному зверю прямо в уши. — Если ты сейчас же не перестанешь кидаться в меня всякой ерундой, я... я... — Платон не знал, что бы такое придумать пострашнее. — Я найшу на тебя серого кота Бартоломея!

Но странный зверь никак не отреагировал и продолжал невозмутимо мотать серо-рыжим хвостом.

«Что может быть хуже кота?» — подумал Платон.

— Я позову к тебе на балкон людей!

Но и это не произвело на хвостатого никакого впечатления.

— Ах так! — расхрабрился Платон. — Тогда я поднимусь и сброшу тебя с этого балкона!

Хвост качнулся вправо и замер.

— Это *меня* кто-то хочет сбросить? — спросил хозяин хвоста.

Платон не знал, как бы лучше ответить. И поэтому не сказал ничего.

Но тот, наверху, кажется, не ждал ответа и унылым голосом попросил:

— Тогда, если тебе не трудно, поднимись и сбрось меня! Мне самому страшно!

А потом он так сильно мотнул хвостом, что на Платона посыпалась не только штукатурка, но и лепестки облупившейся краски, сухой мох, ветки — всё, что за годы скопилось на этом старом балконе.

«Да он не в своем уме! — подумал Платон и решил не связываться с хозяином хвоста. — Ну его!»

Дождь почти закончился. Платон проглотил рисовых зерен — они и невареными казались ему настоящим лакомством, — закусил изюмом, сел на ящик с колесиками, взял палку и покатился — туда, где заканчивается город и начинается дорога к горе.

СТРАННАЯ, КОНЕЧНО, ПРОСЬБА

Платон уже добрался до поворота, как услышал страшный пронзительный вой, который доносился с того самого балкона. Платон обернулся и увидел там зверя — тот выл во всю пасть, а потом как закричит:

— Кто же меня теперь сбросит с балкона?

Платон вздохнул и решил помочь. «Ну а что делать-то, — подумал он. — Орет слишком громко. Надо его успокоить».

Он вернулся к заброшенному дому и спросил:

— Зачем это тебе?

— Я очень несчастен, — ответил зверь. — И мне больше незачем жить.

— Поня-а-атно, — протянул Платон. — Ты знаешь дорогу к Белой Горе?

— Я родился в тех краях! В соседнем лесу!

— Вот это мне повезло! — обрадовался Платон. — Тогда я тебя сейчас сброшу с балкона,

а потом ты мне покажешь, как добраться до горы! Я, видишь ли, не из этих мест...

— Хм-м... — засомневался зверь. — Мне кажется, в таком случае я не смогу помочь.

Не успели они договорить, как дождь обрушился с новой силой. «Теперь точно вся еда промокнет!» — с досадой подумал Платон.

— Поднимайся ко мне! — крикнул зверь так громко, что даже дождь вздрогнул от испуга.

Платон согласился — хорошо бы высушить перья и листья, а заодно и спасти еду.



F. M. K.

НА ЧЕРДАКЕ

Дом и в самом деле был такой страшный и неласковый, что вовсе не удивительно, если по ночам он ходил на тайные встречи с похожими домами и там танцевал вокруг огня, скрипел ржавыми петлями, гремел ставнями и помышлял о захвате целого города — чтобы на улицах не осталось румяных и пузатых домиков с цветами на подоконниках и занавесками на окнах. Покосившаяся деревянная дверь со следами зеленой и коричневой краски была приоткрыта. На ней — четыре ржавые таблички с именами бывших жильцов. Из темноты тянуло холодом и сыростью.

Платон вошел во мрак покинутого дома. Ящик с едой пришлось оставить на первом этаже — тащить его на чердак у Платона бы не хватило сил. Каменные ступени покрыты плесенью, деревянные перила сгнили от времени и влаги. На стенах тоже жила плесень. Двери в квартиры заколочены — а что там, внутри, за этими дверями?

Лестница на чердак была узкая, вся в пыли и паутине. Платон чихнул, споткнулся, потерял несколько дубовых листьев и перо белого голубя, пожалел, что согласился на всё это, и наконец добрался до чердачной двери. В замочной скважине сидел настороженный паук. Платон постучал.

— Так открыто же, — раздался печальный голос.

Платон толкнул дверь и попал под самую крышу — в просторную комнату с дождем внутри. Хорошо хотя бы, что дождь шел не отовсюду: в крыше была только одна прореха. Вода с грохотом падала в широкую медную ванну. На деревянном полу — сухие листья, клубки пыли, фантики, перья голубей, дубоносов, ласточек, огарей. Есть даже совиные. На стене — картина в разошедшейся раме: пышный пион, прежде ярко-розовый, а теперь — блеклый и неживой. Рядом с ванной лежал раскрытый белый зонтик — весь дырявый, но с привязанными к спицам колокольчиками. В углу ютился один ботинок, а рядом с ним блестел осколок зеркала.

Посередине комнаты с самым грустным выражением морды сидел — он.



ЗНАКОМСТВО

— Т-ты к-кто такой? — спросил Платон, запинаясь и пятясь к двери.

— Сначала я был любимым сыном, потом — любимым другом, а теперь я не знаю, — ответил зверь и вздохнул. — Но если ты интересуешься внешней стороной дела, то я волколис. И зовут меня Малыш-Ав.

— Это как?! — Платон не мог решить, спастись ему и бежать куда подальше или остаться в этом неприветливом месте с этим незнакомым животным. Скорее всего, хищным.

— Ничего особенного, — задумался волколис. — Просто моя голова, шея, задние лапы и часть хвоста — всё это волчье, а другая часть хвоста, туловище и передние лапы — лисьи... И отец мой волколис, и мама — волколи́сица. Но я их давно не видел. Ва уэв! — иногда он произносил слова на волколисьем языке.

— А что за имя у тебя такое нелепое?

— Это меня Ани так называла. Она любила сокращать имена. А вообще-то я — Август.

Платон немного успокоился: он почувствовал, что этот зверь не так опасен, как ему показалось сначала. Но на всякий случай уточнил:

— Малыш-Ав, а что ты ешь? Других животных, птиц, людей?

— Если ты волнуешься, что я съем тебя, то я тебя не съем, — заверил его волколис. — Во-первых, потому что ты мой друг и знаешь мое имя. Во-вторых, потому что ты не животное, не птица, не человек, даже не растение — не пойми что. А я не привык есть не пойми что. И вообще, у меня уже четвертый день нет аппетита.

«Это хорошо, — подумал Платон. — Значит, в желудке у него — пустота. А пустоту можно наполнить радостью из моего ящика на колесах!» Он сделал еще один шаг в сторону волколиса и с нежностью вспомнил о сладком изюме.

— Садись, что ли, — предложил Малыш-Ав. — У тебя есть имя или ты пока безымянный?

— Имя у меня — ого-го! Платон! В честь одного знаменитого человека! Который очень много думал!

Волколис удивился, но не подал виду:

— Тогда располагайся, Платон.

— Так тут негде! Кругом мусор! — И Платон вытащил из-под себя цветную бумажку.

— Это не мусор, это фа-а-антики от конфе-е-ет, — жалобно протянул волколис. — Я всегда ем конфеты, когда мне плохо. Вот я тут уже пять дней и в первый же вечер съел все свои сладкие припасы! А-а-ар уа-ар... Я очень переживал!

— Почему? — спросил Платон.

— Потому что у меня есть история.

— А у меня — нет, — обрадовался Платон. — Значит, мне и переживать незачем.

— Но я могу поделиться с тобой своей историей!

Платон согласился — он давно хотел разжиться историей. Хотя бы и чужой.

ИСТОРИЯ ВОЛКОЛИСА АВГУСТА

ПУРПУРНЫЙ ЛЕС

Кто откуда, а волколис Август — из Пурпурного Леса, где росли старые кедры. И род его — благородный и почитаемый, а по волколисыим меркам почти королевский. Почти — потому что волколисы не знали, кто такие короли, и жили в зверином братстве.

Он родился в норе под высокой елью по имени Роза в день великого Августа Пышнохвостого — древнего волколисыего героя. Однажды в мрачный голодный год Пышнохвостый отправился в деревню к людям — раздобыть еды, но был жестоко убит в битве за курицу. С тех пор его почитают как покровителя всего волколисыего рода и просят у него защиты и помощи. А в своде законов Пурпурного Леса появился еще один — о том, что любое об-

щение с человеком карается изгнанием из леса до конца жизни. Звереныши с первым вдохом узнавали об этом запрете и сторонились людей как самого страшного, что только может быть.

Новорожденного щенка так и называли — Августом, чтобы небесный тезка оберегал первого сына волколиса Петра и волколисицы Марты от всех напастей. А их у него было видимо-невидимо. Всё потому, что Август оказался не по-звериному рассеянным и задумчивым. Рассеянность в лесу — верная гибель. Стоит замешкаться — сразу попадешь в руки охотника или в когти крупного хищника. Особенно если ты еще маленький волколис, глупый и неловкий.

То он съест неправильный гриб и весь день болеет животом, то убежит далеко от норы и забудет дорогу обратно — ищи-кричи его по всему лесу, то доверчиво покажет хитрому хищнику, как добраться до своего дома, и тогда — о, это самое страшное! — Петру и Марте приходилось подыскивать место для новой норы.

Больше всего маленький Август боялся воды и темноты, и потому он так и не научился

плавать, хотя рядом с Пурпурным Лесом протекала красивая Рыбья Река. И потому его комната в норе была у самого входа — чтобы ночью в нее светила луна.

Как и все волколысы, Август не различал цвета, а видел мир черно-белым. Но он из-за этого не грустил — ему нравилось слушать кедры, их старые длинные истории, которые чаще всего начинались так: «Много-много лун назад в кедровом лесу...» А еще иногда кедры пели, и шишки потрескивали им в такт, и ветки их качались, и это приносило Августу столько радости, сколько, наверное, яркие краски приносят тем, кто различает цвета.

У него была целая армия дядюшек, тетушек, кузенов и кузин, младших братьев и сестер. Несмотря на то что он был старшим из детей Петра и Марты, все считали его непутевым — за медлительность, неловкость и доверчивость, непонятную лесным обитателям. «Мало ли что такому может прийти на ум!» — переживала родня.

И в один прекрасный день поступок юного Августа превзошел даже самые страшные ожидания и самые жуткие опасения его семьи.

ИЗГНАНИЕ

Однажды в лес пришел человек. Но не один — с дочкой.

Веселая, в платье, будто сшитом из жасминовых лепестков, она стояла на поляне и жонглировала шишками.

И надо же было Августу увидеть ее! Он смотрел на девочку и не мог оторвать глаз — потому что впервые он увидел не только человека, но и цвет — золотистый — цвет ее волос.

«Она никогда не причинит мне зла», — подумал Август и вышел из-за деревьев к девочке. И началась их дружба. Началась его новая жизнь под новым именем — Малыш-Ав.

Нетрудно догадаться, что его семья, дядюшки и тетушки, кузены и кузины, братья и сестры и, конечно, опечаленные Петр и Марта с тяжелым сердцем отпустили его к людям, прощавшись с ним навсегда. По волколиським законам путь домой Августу отныне был закрыт.

— Он еще совсем юный, — вздохнула Марта. — А я так хотела увидеть, каким он станет взрослым волколисом.

— Меньше всего я бы желал своему сыну жизни домашнего пса! — досадовал Петр.

— Зачем ты так? Ведь ты никогда, никогда не сможешь вернуться! — плакал брат Александр.

Братья Петрус и Пардус, сестры Коготок и Аврора хлопали глазами и не знали, как попрощаться.

— Август Пышнохвостый, помоги моему брату! — прошептала крошка Лютик. Она была самой младшей в большой семье волколисов.

Поначалу родители девочки были против лесного животного у себя дома. Но дочка так плакала и просила оставить ее нового друга, что в конце концов они согласились. «Посмотрим, как оно всё получится, — подумал ее отец. — Ведь даже дикий зверь умеет быть преданным».

Девочку звали Ани. Больше всего на свете она любила рисовать, путешествовать и жонглировать.

Вскоре Малыш-Ав привык к тому, что Ани постоянно его рисует и что, пока она рисует, нельзя шевелиться. Разве что почесать за ухом, и то — незаметно. Волколису нравилось разглядывать ее рисунки. Малыш-Ав догадывался, что они, должно быть, яркие и разноцветные, правда, по-прежнему видел только черный, белый и золотистый. Но и этому был рад.

Еще ему нравилось гулять с ней по городу. Надо было видеть удивленные и даже негодующие взгляды прохожих, когда перед ними проходила Ани с волколисом на красном поводке! Ведь никто в городе не держал дома животных — люди боялись аллергии на шерсть, царапин от когтей, звериной слюны, блох, боялись печали, которая придет, когда любимый питомец умрет: все-таки век зверей зачастую короче человеческого.

Правда, со временем горожане удивлялись волколису всё меньше, и Ани даже сняла поводок — так что Малыш-Ав просто шел с ней рядом. Девочка знала, что он никуда не убежит и никого не укусит.

Ани часто ездила в далекие страны, а Малыш-Ав верно ждал ее дома, ждал, когда она вернется и разложит перед ним рисунки: вот редкие растения и непонятные животные, вот высокие башни каменных зданий и неуклюжие заброшенные деревянные домики. И люди везде разные, и разные у них надежды и страхи.

По вечерам они любили мечтать. Ани — о том, как тысячи глаз в разных городах увидят ее рисунки, Малыш-Ав — о том, как однажды

Ани возьмет его с собой в путешествие — в далекую страну или хотя бы в соседний город, или просто дойдет с ним до Пурпурного Леса. Ему хотелось бы снова послушать кедры.

Так они вместе росли, вместе радовались и печалились, вместе узнавали новое, делились друг с другом мыслями и думали, что их дружба никогда не закончится.

ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Но однажды Ани привела домой большую зубастую собаку, покрытую густой черной шерстью.

— Этот бедный пес немного поживет у нас, Малыш-Ав, — сказала она. — Я увидела его на улице, он был такой одинокий! И к тому же у него сломана лапа!

Гость оскалил острые зубы.

Несмотря на то что он был чернющим, как ночь, Ани назвала его Солнцем. «Он большой и яркий!» — объяснила она. Солнце помыли, уложили на диван, и Малышу было поручено во всем помогать ему — до самого выздоровления.

Волколиса смущал недобрый оскал нового жильца, а также его громкий голос и высокомерный взгляд. Пес всем видом давал понять, что он не просто какая-то дворняга, а отчаянный герой, повидавший такое, от чего шерсть встает дыбом.

Ани ни на шаг не отходила от Солнца: ей хотелось, чтобы он скорее вернулся к бодрой жизни и показал бы ей такие места в городе, о которых она наверняка не знала, потому что они секретные! Друзья даже назначили дату похода — 1 июля — опасного, полного событий и неожиданностей похода, потому что от Солнца и в самом деле веяло приключениями и чем-то необычным.

Вот наконец он поправился и оказался большим любителем побегать, попрыгать, поиграть в догонялки. Он был ловче домашнего волколиса и сильнее его.

Наступило долгожданное 1 июля, но Ани и Солнце не взяли Малыша с собой.

— Ты слишком слабый для такого похода! — сказали они. — Ты устанешь, и нам придется возвращаться из-за тебя!

В тот вечер Малыш-Ав сидел один у окна, ждал и не понимал, чего он ждет. Ему было беспокойно. А утром Ани сказала ему:

— Мы выросли, и нам больше не интересно друг с другом. Лучше тебе вернуться в лес.

«Как же так? — подумал Малыш-Ав. — Ведь мы хотели всегда быть вместе!»

Ани вздохнула и тихо произнесла:

— Но мы с Солнцем надеемся, что когда-нибудь ты найдешь себе новых друзей! И у тебя всё будет хорошо!

Волколисье сердце чуть не выпрыгнуло из шерстяной груди. «Мы?! — повторял он про себя. — Мы с Солнцем?!»

Он быстро дышал, переминался с лапы на лапу и попросту не верил своим ушам.

— Знаешь, Солнце такой... С ним совсем не скучно! Он столько всего видел, столько знает! Ты и представить себе не можешь!

Ани похлопала волколиса по спине, но в этом не было ни тепла, ни нежности — только привычка.

Малыш-Ав пытался найти смысл в ее словах, в том, что происходило. Но понял, что смысл закончился. И дело было не в том, что он недостаточно силен, что лапы у него не такие крепкие, как хотелось бы, и не в том, что он медлительный и неловкий. Дело было в том, что его, домашнего

преданного волкописа, больше не любят, а любят теперь другого — бодрого пса с хитрыми глазами. Остальное — ореховая скорлупа.

По законам стаи Малыш-Ав не мог вернуться в лес. Он взял в зубы узелок с конфетами и побрел подальше от дома, который когда-то считал своим. Ему было страшно, что он никого не сможет полюбить так же, как Ани, что ни один дом он больше не сможет назвать родным.

Он брел по городу, пока не дошел до разрушенного особняка с балконом на чердаке. Здесь, на чердаке, Малыш-Ав провел несколько дней, съел все конфеты и вспомнил все радостные минуты с Ани. А потом он вышел на балкон и, тоскуя о прежней жизни, решил, что другая ему не нужна.

— И вот тут-то мы с тобой и познакомились, — закончил свой рассказ Малыш-Ав.

МАЛЫШ-АВ В ОТЧАЯНИИ

— Мне кажется, с тобой поступили как-то неправильно, — сказал Платон, покачиваясь из стороны в сторону. Он немного устал слушать такую долгую историю и теперь хотел размять листья и перья.

— Люди называют это предательством, — сказал Малыш-Ав.

— Как-как? — переспросил Платон. — Первый раз слышу такое слово.

— Ну... — задумался Малыш-Ав. — Предательство — это как будто тебе дали то, что ты не хотел брать, но тебе всё равно дали и отправили с тяжелой ношей в дальний путь.

— И ты до сих пор несешь это?

— Несу, — подтвердил грустный волколис. — А сейчас ты поможешь мне сбросить мою ношу. Вместе со мной. — И он направился к балкону.

— Ой-ой-ой, — заволновался Платон. — Я не очень-то разбираюсь в этом. Может, ты

лучше чего-нибудь съешь? У меня внизу есть вкуснейший рис! В ящике на колесиках!

— Нет! Решено! — заявил Малыш-Ав. — Я встану на перила, а ты подтолкнешь меня!

— А что насчет изюма? Я готов поделиться! — еще раз предложил Платон. — Жевать изюм веселее, чем падать с балкона!

Но Малыш-Ав уже карабкался на перила. Правда, у него это никак не получалось: он был тяжелый и неповоротливый.

— Слушай, Платон! — в отчаянии сказал он. — Давай я встану на тебя — так мне будет проще сюда залезть!

От этих слов Платон затрясся и зашуршал:

— Ты же раздавишь меня!

— Ничего не раздавлю! — уверил его Малыш-Ав. — Ну пожалуйста!

Платон нехотя приблизился к волколису. Тот попытался встать на него, но его лапы всё время куда-то проваливались.

— Как же так! — возмутился Малыш-Ав. — Ты и в самом деле не-пойми-что-такое!

Платон с досадой отвернулся:

— Ладно. Прыгай тогда сам, как знаешь. А вообще, я не хочу, чтобы ты прыгал. Потому

что мне кажется, что это что-то неправильное. Нехорошее.

— Но этот пес Солнце победил. Понимаешь? — с горечью произнес волколис. — Он ру-у рар! И теперь он гордится своей победой.

— Ну и пусть, — прошелестел Платон. — Только это всё не так, как ты говоришь. Потому что настоящий победитель всегда помнит и о чужом поражении. Своя радость и чужая печаль — вот что такое победа. И тот, кто радуется своей победе, радуется и чужому поражению. А это означает конец пути!

— Но мой путь тоже закончился. Потому что я ничтожный волколис. И я в отчаянии.

— Ну и пусть. Отчаяние — хорошее начало. От него хочется уйти подальше. А это означает начало пути!

— Ты правда думаешь, у меня получится уйти от моей печали?

— Ну конечно! Если ты будешь идти, а не стоять на этом балконе и плакать о своей судьбе!

Волколис подумал и положил тяжелую когтистую лапу на Платона. Лапа провалилась вглубь.

— И я смогу перестать быть ничтожным? — робко спросил Малыш-Ав.

— Да! По этому поводу я уже предлагал тебе изюм! — ответил Платон, вытаскивая из себя волколисью лапу.

— Но мне совсем некуда идти! Я никому не нужен на всей огромной планете! — заладил Малыш-Ав.

Платон не знал, что ответить. Он принялся ходить из угла в угол и шуршать фантиками. Наконец его осенило:

— Во-первых, планета, наверное, и в самом деле большая, и ты не знаешь всех ее жителей. Как ты можешь говорить, что никому не нужен, если ты не знаком со всеми? И во-вторых, ты покажешь мне дорогу к Белой Горе! А это наверняка означает, что ты нужен мне! И даже Мастеру Муну! Потому что если я не найду Белую Гору, то не доберусь до Держиоблака. И тогда я не узнаю рецепт от страха и не помогу моему другу аптекарю! А я обещал ему!

Малыш-Ав обрадовался, наострил волчьи уши и завилял лисьим хвостом:

— Так ты говоришь, у тебя есть изюм для меня?

— Есть! Только если ты останешься со мной! А если ты решил спрыгнуть и исчезнуть, то я не буду тратить на тебя свои запасы!

Малыш-Ав подошел к балкону, посмотрел вниз, на улицу, и вверх — на небо.

— Собирайся! — решительно произнес он. — Дождь закончился. Пора идти к Белой Горе! В тех краях живет моя семья. Примут меня или нет — не важно. Я понял, что очень соскучился и хочу их всех увидеть!

— Наконец я слышу что-то хорошее! — обрадовался Платон. — И вот еще. Никаких больше Малышей-Ав! Волколис Август звучит гораздо лучше!

Август выпрямился, поднял хвост и выставил вперед рыжую лапу.

— Это имя напомнит тебе о том времени, когда ты еще не знал ни Ани, ни города, ни всего того, что с тобой произошло, — сказал Платон. — Представь, что ты снова дикий волколис. И что никакой пес и никакая девчонка не посмеют больше тебя обидеть. Потому что ты — лесной! Потому что ты настоящий! Мне кажется, это интереснее, чем быть бодрым псом! И вовсе тебе не надо становиться самым быстрым и самым ловким. Ты — самый, но по-другому!

Августу еще никто не говорил таких слов. И волколис представил, как он стоит посреди леса, а внизу дремлет трава, а сверху кружит птица.

— Платон, ты знаешь, что вокруг тебя летает золотистый свет? — неожиданно спросил Август.

В ПУТЬ! ВДВОЕМ!

Они стали собираться в дорогу.

Август обрадовался, засуетился, принялся осматривать углы — вдруг что-то ценное завалилось.

— Что это ты ищешь? — удивился Платон.

— Нужные вещи. Путь у нас дальний — мало ли что понадобится. Смотри-ка... Осколок зеркала! Зонтик! Уголек! Веревка! А это что? — он подцепил когтем что-то белое и круглое. Понюхал, надкусил. — Похоже на горчичное зерно. Ладно, зерно можно оставить этому дому. А вот зеркало и зонтик точно возьмем!

Платон тоже пошуршал по чердаку, подобрал маленькую остроконечную ракушку с дырочкой посередине и спрятал ее внутрь себя. «Мало ли», — повторил он вслед за Августом.

Они спустились на крыльцо и сложили находки волколиса в ящик на колесиках.

— Может, поешь перед дорогой? — спросил Платон и высыпал в себя мешочек риса. — Ты же, кажется, хотел угоститься изюмом?

— Хотел, но теперь что-то передумал, — ответил волколис, глядя на унылую горку сухих ягод. — Ва р-рэр!

Он бы сейчас съел курицу или, на худой конец, какого-нибудь грызуна.

— Ну, как знаешь, — сказал Платон и уселся на ящик. — Теперь у меня вместо палки будет белый зонт с колокольчиками!

Он оттолкнулся деревянной тростью зонта от земли и медленно со звоном покатился.

Волколис в последний раз взглянул на свое мрачное убежище. «Выходит, дома тоже стареют, — подумал он. — Неужели и моя лесная нора состарилась за это время?» Сначала ему стало немного грустно. Но потом хорошая мысль пришла к нему и успокоила: «Дом никогда не состарится, если его никогда не покидать».

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ОЗЕРА

Волколис отлично знал город: на мощеных улицах не было такого камня, на который бы не наступали его лапы, — эта память осталась еще со времен их прогулок с Ани. Он вспоминал-вспоминал и не выдержал:

— Я все-таки вернусь потом. Когда стану сильным, отважным волколисом. Вот увидишь, Платон! Вернусь и задам им жару! И покажу им, какие у меня когти, какие у меня острые клыки! Ууу! Уэв-ав-ва-ав!

Платон ничего не ответил.

— Ну?! И чего ты молчишь? — нервничал волколис.

Ему хотелось услышать что-то вроде: «Еще как вернешься! Еще как проучишь этих жалких предателей!» Но Платон не поддержал его воинственное настроение:

— Поверь мне, дорогой мой волколис, когда ты станешь сильным лесным зверем, тебе уже

не будет никакого дела до этого пса и даже до его хозяйки.

— Даже до Ани? Нет! Я никогда ее не забуду!

— Да успокойся, друг. Конечно, не забудешь! Просто она останется в твоей памяти веселой девочкой, с которой вы бродили по городу и мечтали. И ты будешь благодарен ей за то время!

— А Солнце? Я не смогу простить!

— Сможешь. И отдашь свою грустную память уходящему облаку. Как я отдал свою колбасу серому бесхвостому коту.

Волколис опустил уши:

— Я знаю его. Это Бартоломей. Бедный голодный кот. А когда-то он тоже был домашним.

Скоро они покинули городок, прошли по заросшему птичьему пустырю, за которым виднелись озеро Кулик и деревня Дворики.

— Слушай, Платон, — еле переводя дух, произнес Август. — У меня всего четыре ходильные лапы, и они все устали! Я никогда прежде столько не ходил! Никогда столько не йу-у уа-ар!

Дойдя до озера, Август рухнул на траву, и ничто на свете, казалось, не могло заставить его сдвинуться с места.

Платон не возражал.

Они оба посмотрели на небо.

— Такое огромное, а все-таки целиком умещается в голове, — сказал Платон.

Пятилапое облако будто застыло и не двигалось, но стоило на секунду закрыть глаза, как на небе всё тут же менялось.

— Как ты думаешь, небо — это навсегда? — спросил Август.

Ему всё хотелось понять, что же есть вечного на планете, если даже вечная дружба оказалась такой непрочной.

— Я знаю точно, что оно навсегда красивое, — ответил Платон. — Даже в непогоду. Даже когда оно черное.

Облако уползло куда подальше, в сторону юга.

Волколис закрыл глаза лапой и уснул.

Он впервые за долгое время почувствовал, что ему уютно и тепло.





ПРОИСШЕСТВИЕ НА ОЗЕРЕ

«У-у-у-у-у-у-у-у-у!» «У-у-у-у-у-у-у-у!»

Крики долетали откуда-то с озера.

«У-у-у-у-у-у-у-у!»

Платон потянул Августа за лапу:

— Просыпайся! Там кто-то тонет! Вставай!

Август нехотя перевернулся на другой бок и свернулся калачиком. Тогда Платон пощекотал его нос пером серого голубя.

— Ну-у, — недовольно пробурчал волколис. — Что происходит?

— А то, что кто-то тонет и ты будешь его спасать!

— Я?! — Август наострил уши. — Но я боюсь воды! Я никогда не плавал! Может, я и не умею!

— Вот и узнаем! Быстро в воду! — скомандовал Платон.

Волколис робко подошел к озеру, попробовал воду лапой и стряхнул капли.

— Ты чего стоишь, как домашний щенок? — возмутился Платон.

После таких слов Август глубоко вдохнул, задержал дыхание и вбежал в озеро.

— Греби лапами! — руководил с берега Платон. — Сильнее греби! — Ему-то в воду никак нельзя: тогда от него ничего не останется — ни листочка, ни перышка. — Возьми правее! Быстрее!

«У-у-у-у-у!» — голос становился всё тоньше, слабее, всплеск, пузыри — и всё стихло.

— Он утонул вместе с голосом? — прокричал Август.

— Ныряй! Скорее!

— Я не умею! Я боюсь!

— Ныряй! Не вопи! — командовал Платон. — Туда, где пузыри! И греби лапами!

Еще мгновение — и волколис оказался под водой.

Он не знал, что делать: лапы не слушались его, уши прижались к голове, глаза щипало. Август не мог дышать, силы совсем оставили его, и ему показалось, что из воды уже никогда не выбраться. Но вдруг на белом гладком камне, похожем на кость древнего животного, он кого-то увидел

и тут же ожил, вытянулся, схватил этого несчастного и рванул с ним наверх. Он так и не понял, как ему это удалось.

Неловко, с шумом и брызгами, Август подплыл к берегу, а в зубах у него — тот, кого он спас.

— Ты, оказывается, умеешь быть смелым! — обрадовался Платон. — Кто это там у нас?

Волколис сделал несколько гордых шагов, аккуратно положил спасенного на траву и отряхнулся.

— Это же кукла! Ири-ри-ик! — удивился он, потрогал ее когтем и понюхал. — Кажется, деревянная.

Кукла лежала на траве, обмотанная в белую ткань, из-под которой торчали тряпичные руки и ноги.

Она не шевелилась.

— Может, ее потрясти? — предложил Платон.

— Отличная идея! — согласился Август и принялся трясти куклу что было сил.



ОНА ЖИВАЯ!

— Да ты же сейчас всю душу из нее вытрясешь! — сказал Платон.

— Не волнуйтесь! — раздался медленный голос с берега. — Нет у нее ничего внутри. Это просто кукла.

Друзья обернулись и увидели большую тяжелую черепаха. Она неспешно направлялась в их сторону.

— Здесь, знаете ли, обычай такой, — объяснила черепаха. — Из года в год повторяется одно и то же: девушки в деревне делают деревянную куклу, а потом кидают ее в воду или сжигают в огне — чтобы летом не было засухи. Иногда таких кукол бросают в реку — ту, что за третьим холмом отсюда. И вот что я скажу: ни разу еще в наших краях не было засухи!

Последнее слово она протянула, и получилось вот так: «за-а-а-асухи».

— Не знаю, не знаю, — продолжила черепаха, — что теперь будет. Но мне бы не хотелось, чтобы мое озеро пересохло!

Август всё еще тряс куклу. И вдруг в ее открытых нарисованных глазах засиял свет.

— Как ты? — спросил Август.

— У-у-у, — простонала кукла.

— Не ждите от нее ответа, — сурово сказала черепаха. — У нее и рта даже нет! Ей говорить нечем! Она всего лишь кукла! И я рекомендую вам вернуть ее в воду! Подальше от беды!

— А я рекомендую вам быть добрее, — прошептал Платон.

— Ах вот вы как! — разозлилась черепаха. — Ну посмотрим, посмотрим. Вы еще пожалеете о том, что спасли ее!

— Пожалеем о том, что кого-то спасли? — удивился Платон.

Но черепаха уже развернулась и поползла обратно в воду.

— Ну ее! — сказал Август.

А Платон полез в свой ящик и достал оттуда уголек.

— Вот и находка пригодилась! — обрадовался он и нарисовал рот на деревянном лице куклы.

— Спа-си-бо! — тут же сказала кукла.

Но она еще совсем не умела произносить слова и потому толком так и не смогла объяснить, что все-таки произошло и есть ли у нее имя.

На руке у нее был длинный кожаный шнурок, а к шнурку привязан камень.

Волколис наклонился, развязал шнурок, понюхал его и попробовал на зуб.

— Пахнет козой, — заявил он со знанием дела.

Камень упал на траву. Платон аккуратно смотрел шнурок и засунул его внутрь себя.

Кукла еще раз огляделась и зарыдала, да так звонко, что Август опустил уши, а Платон подумал: «Надо что-то делать, иначе это не закончится никогда!» Он набрал в осиновый лист воды и плеснул деревянной девочке в лицо.



ЧТО ВСЕ-ТАКИ СЛУЧИЛОСЬ?

Кукла замолчала.

Теперь она смотрела на новых друзей и улыбалась. Ей бы хотелось поговорить с ними, рассказать о своих мечтах, но она не знала как. У нее было одно большое желание. И она попыталась объяснить его руками: показала на желтый цветок, а потом на ткань, в которую была завернута.

— Ты хочешь, чтобы тебе дали желтый цветок? — решил волколис.

Кукла помотала головой, сорвала травинку и стала кружить ее в воздухе.

— Может, ты хочешь летать? — уточнил волколис.

Кукла снова помотала головой.

— Танцевать! — догадался Платон. — Танцевать?

Кукла радостно кивнула и еще раз показала на желтый цветок и на свое облачение.

— В желтой простыне? — спросил Платон.

— Да какой простыне! В платье! — понял наконец Август: у Ани было желтое платье, и в нем она казалась ему полевым цветком.

Кукла кивнула два раза.

— Но у нас нет желтого платья. А танцевать мы и сами не умеем, — расстроился волколис.

— Зато теперь мы знаем о твоей мечте! — обрадовался Платон.

— Танцевать, танцевать, — повторила кукла.

Платон подошел и обнял деревянную девочку.

— Я не знал, что ты умеешь обниматься! — удивился Август.

— Я сам не знал! — произнес Платон и обнял волколиса.

Кукла лежала на траве. Ей бы хотелось похлопать ресницами, но глаза у нее были нарисованные и потому всегда оставались открытыми.

Она никак не могла понять, кто эти двое, что происходит и — самое главное — что будет дальше. Но ей очень хотелось жить, смотреть на небо, трогать траву и теплую землю, подставлять лицо и руки ветру, танцевать в желтом платье, так что она с радостью согласилась отправиться с ними к Белой Горе. И еще согласилась носить имя, которое ей дал волколис, — Макка.

— На волколисьем языке это означает «цветок», — объяснил Август.

Платон решил, что самое время угостить друзей рисом и изюмом. Но Август по-прежнему отказывался, а Макка показала на деревянный живот: «Макка не ест».

— Странные вы, — вздохнул Платон и проглотил горсть белых зерен, изюм и печенье.

Они отправились в деревню на ночлег.

Платон посадил Макку на спину Августа и привязал веревкой — чтобы она случайно не упала.

— Так тебе будет тепло и мягко, — сказал он.

Всю дорогу Макка повторяла только три слова: «Желтое платье. Танцевать. Желтое платье. Танцевать».

Августу стало еще тяжелее идти, но он больше не жаловался, а молча нес свою деревянную подругу. И даже радовался этому.

Платон тоже радовался, но и тревожился. Он никак не мог забыть слова старой черепахи. «Неужели нас могут наказать за добрый поступок? А как же тогда жить, если за добрые поступки станут наказывать?»

СТРАХ В КУРЯТНИКЕ

Непонятное существо, деревянная девочка и волколис — нечего было и думать, чтобы такая компания попросилась переночевать у жителей деревни. Поэтому друзья решили устроиться в курятнике.

— Заодно и поем! — обрадовался волколис.

Они дождались темноты и нашли подходящий курятник на заднем дворе маленького дома. Огонек в окне погас — хозяин наверняка уже лег спать: можно было не волноваться, что кто-то их заметит.

Волколис первым пробрался в курятник — как же он давно мечтал о вкусном ужине! Платон придерживал дверь, и свет луны падал на сонных куриц. «Хорошо хоть луна светит!» — подумал Август: так сильно он боялся темноты.

Тихо-тихо, осторожно он подкрался к курицам, выбрал одну — самую жирную, самую большую — и — хлоп! — набросился на нее, но...

не поймал — и только лапы его с грохотом ударились о насест. Снова и снова он пытался поймать эту жирную курицу, но всякий раз она как будто исчезала — прямо из лап. И вот уже он схватил ее, но курица испарилась, растаяла.

— Да это же привидение! Уа-уа! Там привидение! — закричал Август и выбежал из курятника.

— Тиши ты! Хозяин проснется! — шикнул Платон.

— Это пострашнее хозяина! — трясся от страха волколис.

— Ха-ха! — рассмеялась Макка. — Волколис и курица!

— Вы как хотите, а я туда больше ни лапой! Несмотря на то что я зверски голодный! Там темно! Темно! И призрак там!

Дверь курятника скрипнула, и оттуда донеслось долгое протяжное «Не уходи-и-ите!». Этому крику ответила ночная птица.

Друзья вздрогнули от ужаса.

— Я же говорю вам! Внутри живет страшный! Ужасный! Призрак! — разволновался Август и всё же ловко схватил зазевавшуюся полевую мышь. — Хоть какой-то ужин, — вздохнул он.

— Израк? — спросила Макка. Ей еще было трудно выговаривать все буквы. — Он танцует?

— Не знаю, — ответил Август. — Но он ужасно страшен! Он страшно ужасен! Он злой!

— Прямо злой? — засомневался Платон.

— Никаких сомнений!

Макка заплакала.



НОЧЬ НА УЛИЦЕ

А на улице — ночь. Темная-темная. Совиная-звериная. Идти в другое место было небезопасно: в темноте они могли стать легкой добычей ночного хищника или — что еще хуже — человека. Люди опасаются странных существ и от страха могут натворить глупостей.

Куча листьев, волколис и деревянная кукла расположились под кустом жасмина, неподалеку от курятника. Макку положили на ящик, а Платон и Август легли рядом на траву. Жасмин давно отцвел, но земля еще хранила память о белых лепестках: сухие и сморщенные, они покоились на земле. Друзья молчали и смотрели на звезды.

МАККЕ ПРИШЛА ИДЕЯ

Стоило Платону и Августу заснуть, как Макка беспокойно заворочалась. Ей привиделось, будто она тонет и не может выбраться из воды. А вместо рук у нее — белые крылья, и вообще, она — это не она, а тяжелая неповоротливая курица!

Макка позвала волколиса, потом Платона. Она с трудом нашла в голове нужное слово:

— Проснитесь! Проснитесь!

Волколис свернулся калачиком, а внутри Платона пробежал холодный ветерок и словно бы сказал: «Тихо, тихо!» Но Макка не унималась. Ей нужно было срочно что-то им сообщить.

— Спасизрака! Спасизрака! — повторяла она.

Платон медленно повернулся к ней и спросил:

— Спасти? Призрака?

Волколис тоже проснулся и наострил уши.

Кукла не могла рассказать им свое видение, а только махала руками, как будто она курица, которая тонет, и повторяла: «Спасизрака!»

— Она говорит, что этой курице, может быть, нужна наша помощь! — догадался Платон.

Кукла закивала.

— Но ведь он злой! — негодовал Август.

— Это *ты* так решил! А мы почему-то согласились, — прошептал Платон. — Наверное, потому что устали и в головах у нас зашумел сонный ветер. Но помнишь, как он просил нас не уходить? Как будто и правда ему там плохо! У страха глаза — совы!

— Да! — согласилась Макка.

— Может, этот призрак хотел пообщаться? — растревожился Платон. — А мы просто испугались и бросили его одного!

— И что вы оба предлагаете? — взволнованно спросил Август.

— Вернуться в курятник и всё выяснить! — ответил Платон.

— Да! — поддержала Макка. — Волколис и курица!

— Только погоди! — спохватился Платон и посадил на лоб волколису светлячка. — В помощь твоим звериным глазам! — сказал он и взял с собой целый пакетик риса и изюм. — Курица, как-никак.

Волколис фыркнул, поджал уши и направился к курятнику. Макка уцепилась за рыжий хвост и забралась по нему на спину шерстяного друга. Платон тихонько зашуршал за ними.

ПРИЗРАК, ВЫХОДИ!

В курятнике было темно и тесно. Курицы с гребешками — кто на правой стороне, кто на левой — сидели в ряд, насупившись, награв под собой места на деревянной жердочке. От них пахло теплым сытым сном.

— Неужели вам не страшно? — прошептал волколис.

Шерстинки на Августе вздыбились, из подушечек на лапах показались когти.

— Не страшно, — сказала деревянная кукла. — Макке не страшно!

— У каждого — своя темнота, — ответил Платон.

Курицы заволновались, замотали головами, и гребешки перекинулись с правой стороны на левую, с левой — на правую.

— Вот она! — закричал Август! — Вот она! Самая жирная! Сидит! Ну, кто ты? Что тебе надо? Отвечай, глупое ты перо!

На жердочке, на самом краю, и правда сидела огромная курица, белая, похожая на снежный шар.

— Да не кричите вы! — прошептала она. — И спасибо, что вернулись.

— Так ты не собираешься нас убивать? — спросил Август.

— Нет, спасибо! — ответила курица. — Я уже подстрелил однажды волколиса — и до сих пор плачú за это!

— Как это? — не поверил своим ушам Август. — Вол-ко-ли-са? Какая-то курица убила волколиса? Что за ва-араш-ш-ш?

— Так ведь я не всегда был этой белой несущкой! Много-много лет назад ко мне во двор прокрался волколис. Он стащил курицу и уже направлялся в сторону леса, как я заметил его и выстрелил. Волколис упал и напоследок произнес, что отныне капли его крови станут морем между его лесными сородичами и людьми — на веки вечные. И еще он сказал так: «Ты превратишься в то, что пожалел для другого, — в жалкую толстую курицу! И будешь ты жить в курятнике, пока кто-нибудь из волколисов не простит тебя. Но такого не случится до скончания времен!»

А потом он умер. Я забрал курицу, отнес зверя во двор, похоронил его и на могиле посадил куст жасмина.

— Куст жасмина? — повторил Платон.

— Мы же ночевали под ним! — удивился Август.

— Жасмин... — задумчиво произнесла Макка.

А призрак продолжил:

— Его слова показались мне чепухой, и вскоре я забыл о них. Прошли годы, и жизнь близилась к концу. Я был уже древним стариком, как вдруг стал замечать, что покрываюсь перьями, что мой нос становится острее и превращается в клюв, а ноги — в куриные лапы. Так я сделался курицей и поселился здесь. Я не могу выбраться отсюда, какая-то сила не пускает меня наружу. И появляюсь я только ночью — тень без костей и тела, так что из меня даже не сварят суп! А мне бы так хотелось освободиться из куриного плена! И улететь, улететь отсюда! Пожалуйста, прости меня за всех лесных волко-лисов!

Август показал острые клыки. Когти его были наготове, хвост выжидательно качался из стороны в сторону.

— Никогда этому не бывать! — прорычал он. — Нет прощения тому, кто убил Августа Пышнохвостого! От имени всех волколисов я...

— Тихо, тихо, — прошептал Платон. — Не спеши!

— И слушать не хочу! — волколис занес лапу над призраком курицы.

Макка подобралась к его уху и сказала:

— Тихо! Тихо.

— Да что вы понимаете! — буркнул Август и вышел во двор.

Платон бросил напоследок риса и изюма, но никто, кроме курицы, которая когда-то была человеком, ничего не съел.

— Как давно я мечтал о такой еде! — сказал он.

Платон обрадовался и выбрался из курятника — следом за Августом.

После тяжелого куриного духа ночной воздух показался всем и подарком, и радостью, и даже событием.



А ЭТО НЕ ТАК И СЛОЖНО

— Прости его, — прошептал Платон.

Август хотел было возразить, но Макка прямо в ухо ему произнесла: «Тсс».

— Прости, — повторил Платон. — Он оплатился за свое злодеяние и жадность. Не будь как он и не жалея для него прощения!

— Я не жадный! — возразил Август. — Не жадный!

— Так докажи! Больше всего этот человек дорожил своими курицами! А ты сейчас больше всего дорожишь своей гордостью! Какая же между вами разница? Одному жалко было еды, а другой не хочет поделиться добрым словом. Но кому от этого хорошо?

Август задумался.

— Спасизрака! — пропела Макка и скатилась на землю с его хвоста. — Спаси-и-израка!

— Чем больше ты чем-то дорожишь, тем меньше оно тебе принадлежит! — сказал Платон. —

Твоя жизнь не стала короче от того, что ты рискнул ею и спас Макку! И твоя гордость не станет меньше, если ты отдашь свое прощение этой несчастной курице!

Август молча поднял голову. Белые облака, как перья, летели по черному небу. Это Ани их так называла — перьями. Как-то раз она сказала, что их обронила большая птица, которая летит на восток. И тот, кому такое перо упадет на голову, больше никогда не узнает печальных мыслей.

Поначалу Август мечтал, чтобы одно из перьев небесной птицы хотя бы просто коснулось его, но со временем понял, что не нужно и этого. Какая радость, если не было грусти? Какая встреча, если не бывает расставаний? За что же просить прощения, как не за ошибки? И Август мысленно сказал спасибо Ани — за то, что сейчас стоит под летними звездами и учится прощать. За белые облака в его мыслях, за темную ночь в его звериной душе.

Август опустил голову и побрел к курятнику — так спокойно, так тихо, — будто и не тяжелыми лапами по земле, а легкими — по ковру из шелковых нитей.

— Идем! Идем! — Макка тянула Платона за длинное перо пестрого голубя.

— Нет, это не наша история. Пусть Август сам решает.

Из курятника не доносилось ни звука, и вдруг птицы захлопали крыльями, закричали, попрыгали с насеста, разбежались кто куда. А внутри что-то вспыхнуло и тут же погасло.

— Август? — прошептал Платон.

— Август? — повторила Макка.

Волколис вышел на воздух — тяжелый и медленный, будто он устал — до косточки, до шерстинки, но в глазах у Августа появилась мудрость лесного зверя и сила, какой прежде не было.

Сонные курицы кудахтали, бегали по двору и в конце концов разбудили хозяина. В окне зажегся свет.

— Надо прятаться! — прошептал Платон.

— Прятаться! — закричала Макка.

Они выбежали за ворота. Платон только и успел захватить осколок зеркала, зонтик и горсточку риса. Тяжелый ящик пришлось оставить под кустом жасмина. На земле, в которой лежали кости Августа Пышнохвостого.

Дверь дома со скрипом открылась, и свет упал на огород.

— Что за чертовщина! — выругался хозяин курятника и пошел собирать растревоженных кур.

ДОРОГА НАЛЕГКЕ

В ту ночь они расположились у корней гостеприимной сосны. Кроме них дерево приютило птиц, жуков, личинок, грызунов, пауков, жабу и много кого еще.

Август так и не рассказал о том, что произошло в курятнике. Ни Платон, ни Макка не спрашивали его об этом.

— Каждый может иметь тайну, — сказал Платон. — Тайна — это не доброе слово. Ею делиться не обязательно.

* * *

Поутру они отправились к Белой Горе — по полям и пролескам, обходя деревни, стараясь ни людям, ни животным не попадаться на глаза. Макка сидела на спине Августа, смотрела на солнце и понемногу училась говорить — слово за словом. А Платон плелся за ними, держа

в кленовом листке, как в ладошке, зонтик с колокольчиками — он радостно звенел и хоть немного спасал от солнца. С каждым часом становилось всё жарче, земля и воздух раскалялись.

Макка не выпускала из рук зеркальный осколок, который Август нашел на чердаке, — так ей нравилось смотреть на себя и ловить в отражении тучи, и птиц, и лучи, и синий цвет.

— Интересно, — спросила Макка, — куда — облака?

— Куда идут облака? — уточнил Платон.

Макка кивнула.

— Мне тоже интересно! — сказал Август. — Может, у них там целый облакодром? Только этого никто не знает!

— А мне кажется, всё мы знаем, но не помним, — прошептал Платон. — И поэтому иногда чего-то боимся.

— Акавар-р! Сколько же в тебе мыслей! — удивился Август. — Никогда не встречал такую задумчивую кучу листьев!

— Ну-ну! А я — такого... такого...

Август остановился. Он посмотрел на небо, на горизонт, на Платона, подумал о человеке-курице и пошел дальше, почти полетел, как воз-

душный шар, с которого сбросили тяжелый мешок с чем-то, что казалось важным и нужным, а на самом деле было хламом.

— Знаете, я совсем не жалею, что подарил ему свое прощение! — вдруг сказал Август.

— А я не жалею, что оставил целый ящик риса и изюма на могиле вашего предка! — прошептал Платон. — Чем легче, тем выше!

— Желтое платье! Танцевать! — напевала Макка весь путь. — Жел-то-е платье!

Они взобрались на можжевеловый холм.

— Да поможет нам Август Пышнохвостый! — произнес волколис.

Платон поднял зонт над собой и позвенел колокольчиками:

— Я в этом уверен!

«И совсем не жаль мне этот ящик!» — подумал он, подняв рыжее перо. Солнце подсветило его изнутри, и оно стало золотистым.

— Слушай, Август, — сказал Платон, — я бы тебя никогда не променял на веселого бодрого пса! Ни на кого веселого! И вообще ни на кого другого!

Август пошевелил ушами и от радости поднял нос к небу. Ему давно никто не говорил подобных слов, а он так хотел быть нужным.



Они шли по холмам, спускались, отдыхали под деревьями и снова отправлялись в путь. Но от жары идти становилось всё тяжелее и тяжелее. А день никак не заканчивался. Август всё чаще и чаще останавливался.

— В конце концов, я шерстяной! И шерсть у меня уже слиплась. И лапы не урла-ва-ик. Не двигаются, — жаловался он.

— А у меня листья горячие! И перья нагрелись! Мне тоже непросто! — отвечал ему Платон. — Скорее бы ночь!

* * *

Но и ночью раскаленная земля не остыла, и жар ее как будто разогнал все сны в округе. Макка ворочалась, Платон не спал, и Август не мог уснуть; подземные жуки неутомонно копошились в корнях травы, то и дело слышались взмахи крыльев, цоканье, шелест листьев, чье-то близкое тяжелое дыхание. Душная ночь никому не принесла покоя.

— Я волнуюсь, — неожиданно сказал Август, — вдруг что-нибудь не получится, что-нибудь пойдет не так.

— Я бы тоже, наверное, волновался, — ответил Платон, — если бы умел. Но я не знаю, что будет завтра, а переживать о том, чего не знаю, я не умею. Поэтому и не волнуюсь.

Август задумался. «Наверное, я и правда слишком много беспокоюсь. И на это уходит слишком много времени. Примут меня обратно в семью или нет? А может, Ани захочет, чтобы я вернулся? Увижусь ли я когда-нибудь с ненавистным Солнцем? Нужно мне это или нет? Кем стали мои братья и сестры? Все ли живы? Я не знаю. Но вместо глупого волнения я могу помочь Платону и Макке, могу стать сильным, могу просто любить свою волколисью семью и даже Ани, и пусть они сами решают, нужен я им такой или нет».

Волколис Август еще долго и много думал и даже вздрогнул от неожиданности, когда Макка дотронулась до его хвоста:

— Эй, волколис! Ты не спишь?

— А ты сама чего не спишь?

— Макке жарко. Макка не может остыть от солнца. Макке страшно! Макка хочет танцевать!

Август стал дуть на Макку изо всех сил.

— Я предлагаю вам успокоиться и поспать! — прошептал Платон. — Однажды я познакомился

со старым деревом. Оно долго жило на земле — двести, а то и триста лет! Ни молния, ни сильный ветер, ни лесорубы, ни несколько войн не тронули его. Но что вы думаете? Оно умерло, потому что не выдержало нашествия жуков! Маленькие короеды выпили всю его силу, и дереву ничего не осталось — только засохнуть.

Платон замолчал. Он был уверен: Август и Макка поймут, что их волнение — это армия таких жуков и сдаваться нельзя.

Август кивнул:

— Р-р-р-ру! Надеюсь, завтра будет дождь!

ЗАСУХА

На следующий день дождя не было, и через день не было, и казалось, что земля совсем позабыла о влаге и сделалась будто голой — беззащитной перед палящим солнцем. Началась засуха.

Еле переставляя лапы, Август произнес:

— Я смертельно устал. Ва-а-аурла... Я останусь здесь и умру от жажды и жары. Идите дальше без меня... Только кто понесет Макку?

Ходить Макка не умела: ее тряпичные ноги не двигались и не могли удерживать тяжелое деревянное тело.

— Как это кто? — возмутился Платон. — Ты и понесешь! Проще всего — остаться на месте и ждать конца! Проще и глупее всего!

Август почувствовал себя виноватым. Но силы и в самом деле покинули его. Он сел на камень и тут же с криком подскочил — так ему было горячо.

Трава желтела на глазах, птицы падали и больше уже не могли взлететь, коровы, тощие и печальные, опустили головы и смотрели на землю в надежде найти хотя бы одну травинку, озера и реки высохли, звери попрятались по норам, погибая от голода, а жуки безвольно сваливались с веток на раскаленные камни, обжигали лапки и летели обратно на ветки, если, конечно, могли. Но самое страшное — лесные пожары. Они вспыхивали то там то тут, оставляя после себя черные стволы деревьев.

Друзья прошли еще немного и остановились у камня, похожего на сердце. Августу так сильно хотелось пить, что язык у него пересох и перестал говорить. Волколис опустил уши и усы, молчал и издавал нечто похожее на «м-м-м-м», «у-у-у-у», «ы-ы-ы-ы». Шерсть его выгорела на солнце и стала блеклой, как крылья ночного мотылька.

От жары Платон терял листья и перья — одно за другим, и они разлетались в разные стороны — за поле и холмы. Особенно ему жаль было четырех блестящих темно-зеленых листьев персика и двух белых перьев сизаря.

— Без них мне будет грустно, — вздохнул Платон. — Так я скоро растеряю всё свое одеяние и истончусь до прозрачного света!

— Ы-ы-ы-ы! — только и смог произнести Август.

— Вот что! — вспомнил вдруг Платон. — Я знаю, где можно найти воду! Когда мы спасли Макку, черепаха сказала нам, что за третьим холмом от озера Кулик есть река. Там, на берегу, будет легче! Главное — добраться туда!

Макка показала на холм, который был перед ними, и три раза посветила зеркальцем.

— Это и есть третий холм? — спросил Платон.

— У-у-у-у! — подтвердил Август.

Макка изо всех сил попыталась найти слова в голове:

— Макка из дерева. Ноги из ткани. Ноги не идут. Волколис из тела. Волколису плохо. Оставить Макку тут. Река за холмом. Макка ждет.

— Но как же мы тебя тут оставим? — волновался Платон. — Давай тогда я побуду с тобой! Или понесу тебя! — Платон хотел было поднять ее, но кукла провалилась в него и упала на землю.

— Нет! Платон и Август вместе! Макка ждет!

Платон взглянул на друга и понял, что тот совсем плох. И если он не дойдет до воды в ближайшее время, то погибнет. Самому Платону тоже бы смочить перья и листья, иначе еще немного — и от него ничего не останется.

— Вот тебе мой зонт с колокольчиками. Он хоть как-то защитит тебя от зноя. Мы принесем тебе воды! А потом... потом я достану тебе желтое платье! Обещаю!

— М-м-м-м, — простонал Август, подошел к Макке и попытался схватить куклу зубами — он думал, что хоть так сможет нести ее. Но тут же лапы его подкосились, и он рухнул на траву.

— Вставай! Вставай! — прошептал Платон. — Чем быстрее мы придем к воде, тем быстрее тебе станет легче! Макка ждет нас! Вставай!

Волколис с трудом поднялся.

— М-м-ма-а-а-а... — произнес он.

— Обещаю! — сказал Платон.

И они направились к реке за холмом.

ЛЕС В ОГНЕ

Поднимаясь по холму, Платон думал о Макке: как она там одна, под раскаленным камнем, среди выжженной травы. Со дня ее счастливого спасения на землю не упала ни одна капля дождя. Он вспоминал слова черепахи, но размышлять об этом у него не было времени, потому что Августу сделалось совсем плохо и на самой вершине холма он упал, вытянул лапы, опустил уши и закрыл глаза.

— Вон река! Внизу! Я вижу ее! — подбадривал друга Платон. — Осталось только спуститься! Тебе сразу станет легче! Вставай!

За обмелевшей рекой он разглядел желтые и красные всполохи — надвигался лесной пожар.

Платон приподнял тяжелую волколисью лапу, но она тут же с грохотом упала обратно. Тогда он дернул друга за ус, подул в ухо, поднял веко — всё бесполезно. Стало понятно, что Август не сдвинется с места.

Платон выдернул из себя несколько перьев и положил их на голову Августа — чтобы хоть немного защитить его от солнца, а сам набрал воздуха и скатился с холма — прямо к реке. За время засухи она стала похожа на ручеек. «Бедные рыбы, — подумал Платон. — Теперь им тесно и страшно». Он смочил в реке листья и перья, в листок яблони зачерпнул немного воды и пошел обратно, к Августу. Позади рычал огонь, но Платон надеялся, что река, пусть и обмелевшая, не даст пламени подойти слишком близко к холму.

Подниматься всегда тяжелее. К тому же Платон боялся расплескать воду и потому шел осторожно, обходя камни и корни. День двигался к закату, но и вечер не принес облегчения: жара душила, обездвиживала, забирала последние силы.

Когда Платон почти добрался до вершины холма, ветерок у него внутри заволновался, стал биться то о перья, то о листья, не давал покоя, крутился, никак не унимался. «Что случилось? Неужели что-то случилось?» — думал Платон. Он услышал треск, грохот, почувствовал странный запах. Дойдя до вершины холма, он понял, в чем дело.

Там, внизу, полыхал огонь — ревел, вздымался, вытягивал красные щупальца. Как страшный голодный зверь, он поглотил лес, поле и уже подбирался к камню, похожему на сердце.

— Вставай! Август! Вставай! Макка в беде!

Платон вылил воды на пересохший язык Августа, смочил его глаза и голову. Волколис пошевелил языком, поднял уши и попытался встать. Лапы его подкашивались, но страх за Макку придал ему сил.

— Успеем? — спросил он и посмотрел вниз. Желтые, красные, багряные искры вспыхнули в его темных глазах. — Как думаешь, успеем?

Они стали спускаться. Платон снова набрал в себя воздуха и покатился по выжженному склону, теряя листья и перья, а волколис хоть и не поспевал за ним, но шел быстро, как только мог, перебирая слабыми уставшими лапами. Еще немного, совсем немного, и они доберутся до Макки и оттащат ее в какое-нибудь безопасное место. Должно же на этой земле быть безопасное место!

Вдруг подул сильный ветер, и пламя за мгновение подобралось к холму, захватив камень-сердце.

— Макка! — взмолился Платон.

Из-за дыма он не видел ее, но всё равно звал.

— Платон! — закричал волколис.

Еще чуть-чуть — и пламя поглотит его друга, спалит за несколько секунд. Август торопился изо всех сил.

Но Платон быстро катился к подножию холма и не мог остановиться.

Вот уже десять камней осталось до подножья, охваченного огнем, девять, восемь, семь...

Сердце волколиса замерло от ужаса.

— Плато-о-он! — закричал он и рванул вперед, натываясь на камни, не обращая внимания на раненую лапу и не думая о том, откуда в его изнуренном теле взялись силы.

Шесть, пять, четыре...

— Стой! Платон, стой!

Три, два... И, вытянув лапу, Август схватил Платона и подтащил к себе:

— Ты спас меня однажды. А теперь — моя очередь. Они спрятались в укромной ложбинке, громко дышали и молчали.

Языки пламени вздымались у самого холма. Еще немного — и, как ползучее чудище, огонь взобрался бы на его вершину, но вдруг всё кругом стало темным, солнце будто погасло, на черном небе сверкнула молния, а за ней раздался гром.





И — ливень, неожиданный, долгожданный, встал стеклянной стеной между огнем и волко-
лисом, крепко сжимавшим своего друга ране-
ной лапой. На здоровую он опирался — чтобы
не упасть и не скатиться.

Ливень! Он гремел, усиливался, сражался с ог-
нем, неукротимый, неудержимый, проигрывал
и снова наступал, пока наконец пламя не дрог-
нуло последний раз, как насекомое — тонкой
лапкой, — и не уснуло. От земли поднимался
дым, залетал в нос и жег глаза. Но дым — это
уже не огонь. Страх отступил, и волколис с Пла-
тоном вышли из укрытия.

ПРОЩАНИЕ С МАККОЙ

Они спустились и подошли к камню-сердцу.

— Как-то всё неправильно! Всё не так! — вздохнул Август. — Зачем тогда я ее спас? А-уау? Чтобы вот так всё закончилось?

— Но почему ты решил, что всё закончилось?

Август разрывал лапой золу у камня в надежде отыскать хоть что-то, что осталось от Макки:

— Закончилось! И я не понимаю, почему всё вот так!

Август отчаянно взмахнул хвостом, так что пыль и зола поднялись в воздух и закружились над ними.

— Я думаю, мы здесь не для того, чтобы всё понимать, — ответил ему Платон и поднял обгоревший колокольчик от зонтика. — А для того, чтобы любить. Клянусь пером берлинского длинноклювого голубя! Только для этого!

— Я буду любить Макку, — вздохнул Август.

— И я.

— Колокольчик больше не звенит, — вздохнул Август.

— Колокольчик по-прежнему звенит в моей голове, — нежно прошептал Платон. — И Макка по-прежнему живет.

— Но неужели черепаха была права? — не унимался волколис. — И засуха случилась, потому что мы нарушили Ву-ур-Рэр — древний закон людей? И дождь пошел только потому, что Макки не стало?

— Я никогда в это не поверю, — ответил Платон. — У людей свои законы, а у жизни и у добра — свои.

Август подошел к нему и уткнулся носом в мягкие перья.

* * *

Что-то происходило. И теперь — если бы они оглянулись — не узнали бы себя прежних. Никто из них не решался произнести ни слова. Они даже боялись пошевелиться, словно любой звук мог ударить, как камень, или воткнуться в тело, как иголка. Так прошло много времени.

А потом Август принялся разрывать золу, позабыв о том, что правая лапа у него ранена. Из-за мыслей всё в его голове переворачивалось вверх дном. Как будто он был домом, в котором всё убрали, расставили по местам, но вдруг быстрый черный ураган поднял этот дом, и закрутил, и понес далеко-далеко, непонятно куда. А в доме всё разбилось, и где пол, где потолок — не разобрать. Даже стены в нем разрушились.

— Даже стены, — вздохнул Август.

— Что? — удивился Платон.

— Если бы я был домом, то сейчас во мне бы разрушились все стены.

— Мне тоже горестно, — прошептал Платон. — Но поверь мне, потому что я знаю: на месте разрушенных стен всегда появляется что-то новое.

Август без остановки разрывал золу, и вот уже показалась земля.

— Нет ее, — сказал он. — Ничего не осталось от Макки! Колокольчик есть, а Макки как не бывало! И зеркальце! Его тоже нет! Где оно?

Они долго еще искали, но так и не нашли осколок зеркала, который любила Макка.

— Пойдем, друг, поищем, где переночевать. Здесь мы точно больше ничего не найдем, —

вздохнул Платон. — В каждую секунду мы не с кем-то. Но я одинаково люблю то, что есть, и то, чего рядом нет.

Август задумался, прислушался к земле, принюхался к воздуху:

— Правда, пойдем. Эта зола пахнет грустью.

И они побрели дальше — так тяжело и медленно, будто у волкописа вместо лап, живых и мягких, были деревяшки. Будто у Платона вместо перьев и листьев были камни.

ПУТЬ ВДВОЕМ

На рассвете Платон и Август отправились к подножию Белой Горы.

«Скоро, скоро я узнаю рецепт от страха, — думал Платон. — И больше не будет страшно — ни Мастеру Муну, ни жителям городка, ни Макке. Ни Макке», — повторил он про себя.

После дождя земля точно училась заново дышать, коровы подняли головы, лесные звери выползли из нор, жуки летали легко и радостно. Жизнь возвращалась.

Рана на лапе у Августа почти зажила, хотя он всё еще прихрамывал.

— Слушай, Август, если бы ты был не ты, кем бы тогда ты был? — спросил вдруг Платон.

— В каком это смысле?

— Я подумал о том, что если бы я был не я, то мне, наверное, хотелось бы стать человеком или птицей. Жить на земле с другими людьми или летать по небу с красивыми белыми птицами!

— Нет, Платон. Я об этом не думал и не хочу. Но если бы мне нужно было выбрать между людьми и птицами, я бы выбрал птиц. Хватит с меня людей! Я уже понял, что это за звери такие. Ва-уа-уа-р-р-ру! — выругался он по-волколисьи.

— Но если бы ты был человеком, ты бы мог всю жизнь прожить с Ани, например!

— Я — волколис! И это мне нравится больше всего на свете! Теперь я точно знаю! Мой дед однажды научил меня старой волколисьей песне. Ну, как — старой? По меркам волколисье-го века. Я часто пел ее в детстве, а потом, попав к Ани, стал петь всё реже и реже, пока совсем про нее не забыл. Зато сейчас мне снова хочется спеть ее!

— Так спой! Дорога любит музыку! — сказал Платон.

— Она длинная! — предупредил волколис.

— Ничего, я терпеливый.

Август набрал в грудь воздуха и затянул свою любимую долгую-долгую песню. Как же давно он мечтал об этом — просто идти домой и просто петь:

КУПЛЕТЫ ВОЛКОЛИСА

I Я сижу на горе,
 На вершине лесной.
 А вокруг — чья-то жизнь,
 Чей-то дом за спиной,
 Кто-то — тише воды —
 Притаился и — хлоп!
 Кто-то множит следы,
 Или когтем скребет,
 Или в клюв крючковатый
 Личинку кладет.
 А кто-то — и вовсе клоп.
 Только я не боюсь
 чужих когтей:
 У меня и свои —
 Преострые
 Да предлинные!

II Подо мной на горе
 Зажелтели цветы,
 Под цветами в земле
 Поселились кроты,
 Под кротами —
 Страна темноты.

И молчит подо мной
Непроглядная тьма.
Только тьмы не боюсь —
Пусть боится сама!
Потому что у меня
Вот такое зрение!
Вот такой нюх!
И еще — скоростные лапы!

III

У подножья — река,
Неспокойная — жуть,
Я ее успокою
Хотя бы чуть-чуть,
Я скажу ей: «Река!
Ты же с рыбой живешь!
Ты же рыбу несешь
На холодных руках!
Ни к чему эта рябь,
Эта зябь, эта зыбь —
Пусть спокойно
Плывет в тебе
Разная рыба!
Посмотри, я сижу —
Хвост красивый какой!
Вот и ты не тревожься —

Будь мудрой
Рекой!»

IV

Я сижу на горе,
На вершине лесной,
Надо мной — турухтан,
Самолет надо мной.
В теле птицы
Одно только бьется —
Тук-тук,
Сто сердец в самолете,
Двести радостных рук!
Двести глаз наблюдают,
Как летит турухтан,
Как сверкает внизу
Травяной океан.
Самолет-самолет,
Я б с тобой улетел,
Только здесь, самолет,
Столько дел!
Если я улечу,
Кто же вместо меня
Будет чутко следить
За движением дня?
Кто же будет смотреть

На закатную нить,
Кто же будет тогда
Эту гору любить,
Этот солнечный лес,
Этот лиственный блеск,
Этот добрый и злой
Когтелопый народ,
И цветы на земле,
И крота под землей,
Неспокойную реку
И брод,
И большую пчелу
В перепутьях травы,
И будущий
Горький
Мед —
Потому что
Кто же мы без любви?
Что же мы без любви? —
Камень на чьем-то пути.
Так что лети, самолет,
Лети, самолет,
Лети.

МАРИЯ

Они ушли уже далеко от тех земель, что узнали страшную засуху. Близилось подножье Белой Горы. Под волколисьми лапами скрипели ветки, а кое-где расстился нежный душистый мох.

— Клянусь пером гривуна! Мудрый у тебя дедушка! — заметил Платон. — Он бы точно не стал страдать из-за какой-то девчонки!

— А-а-а-вув! — возмутился волколис. — Она — не какая-то девчонка!

— Да ладно тебе! А какая же она?

— Ани — мое прошлое! У тебя и вовсе никакого нет!

— Есть у меня прошлое! Только я не помню!

— Вот когда вспомнишь, тогда — взф-хыр! — и указывай другим!

— Ах ты, рыжая шкура!

— А ты! А ты! А ты облезшее перо!

— Сам ты облезший! — И Платон в шутку запустил в Августа коричневым пером голубя.

— Ты что это вздумал дикого лесного волко-
лиса перьями пугать?

— А ты сначала стань по-настоящему диким
и лесным!

— Вот я тебе! — Август накинудся на Плато-
на, и они кубарем скатились на дно оврага, ко-
торый прятался за зарослями папоротника.

* * *

Отряхиваясь от пыли и сухих листьев, Пла-
тон пробурчал:

— Ладно, ладно! Может, и правда ты ско-
ро станешь настоящим лесным зверем! Посмо-
трим!

— Ах ты, хитрая куча листьев! — И Август
запустил в Платона шишкой.

Тот поймал ее в кленовый листок и бросил
обратно в Августа:

— А ну, получай, шерстяная шкура!

Шишка попала волколису между глаз и плюх-
нулась на нос.

— Эй, вы оба! Вы не в себе? Немедленно
прекратите кидать меня туда-сюда! — заруга-
лась она. — Вы вообще кто такие? Ну-ка живо

спустите меня на землю с этого носа! Фу! Фу!
Какой неприятный колючий нос!

От неожиданности Август сильно потряхнул головой, и шишка с криком упала на траву:

— А-а-а-а-а!

— Ничего себе! — удивился Платон. — Давай-ка лучше выбираться отсюда! — И он принялся карабкаться наверх. — Не нравятся мне эти говорящие шишки!

Август поспешил за ним, но тут из листвы раздался недовольный голос:

— Далеко собрались? Посмотрите-ка на них! Разбудили, растревожили, покидали из стороны в сторону — и всё тут! И наше вам с кисточкой, а мы пойдем! Не выйдет! Говорили же мне подземные черви, что от людей надо держаться подальше!

— М-мы не люди... — только и смог произнести Август.

А шишка не замолкала:

— Что значит — не люди? Четыре лапы, уши и хвост есть?

Волколис испуганно кивнул.

— Ну вот! Раз так — значит, точно не насекомые! А там уже не важно — люди, не люди.

Четыре лапы — это всё! Это самый ужасный ужас! Это самый страшный страх!

Август взбодрился, отряхнулся, поднял хвост и неожиданно заявил:

— Да-да! У меня пугающий хвост! И четыре лапы! Че-ты-ре! А мой друг... Это вообще, — волколис задумался, — вообще... один сплошной хвост! Он как махнет им — все насекомые разлетаются: кто куда! Вот какой хвост! Так что мы лучше пойдем, пока мой друг не разозлился и не начал раскидывать насекомых! Он терпеть не может шестилапых!

— На дух не переносу! — подтвердил Платон.

— Ну всё, всё, — затараторила разговорчивая шишка. — Вам не удалось меня запугать! К тому же я пока еще не насекомое. Я — личинка!

При этом слове Август поморщился так, будто личинка — это самое неприятное, самое гадкое, что только могло ему встретиться. Хотя прежде он дела с личинками не имел.

— Ну что вы стоите как два пня? Немедленно вытащите меня отсюда! Только аккуратно! И поскорее! Я скоро стану цикадой!

— Так значит, ты цикада? — радостно спросил Август.

— Нет еще! — сухо ответила будущая цикада. — Я — личинка Мария. И зачем-то вы сбросили меня в этот овраг! А теперь — вытаскивайте! Пошевеливайтесь!

Август и Платон поняли, что они, должно быть, случайно зацепили эту вредную личинку, когда катились в овраг. Но делать было нечего, и Август разворошил траву, а Платон нехотя поднял Марию.

— Бр-р-р, — сказал он.

— Чего «бр-р-р»?! — возмутилась личинка. — Сам-то ты не пойми что такое! У меня хотя бы тело есть! А где твое тело?

Платон задумался, но Август прервал его размышления:

— Вперед! Вперед! — И подтолкнул его передними лапами.

Платон ухватился за торчащий корень, крепко зажал личинку Марию в березовый листок и стал выбираться из оврага. Волколис обогнал его и протянул лапу:

— Нам повезло, что он неглубокий! А то сидели бы тут втроем целую вечность!

Платон разжал березовый листок, и личинка сразу заворчала:

— Ты чуть не задушил меня! Нельзя было поаккуратнее? Ты все будущие крылья мне помял!

Платон хотел было ответить Марии, но потом подумал, как это все-таки здорово, что даже внутри такой недоброжелательной, капризной шишки спрятаны крылья.

— А что, если и внутри меня сложены крылья? — спросил Платон.

— Это исключено! — заявила Мария. — У тебя нет шансов! Если бы ты хранил в себе крылья, ты бы об этом непременно знал! Или кто-то сказал бы тебе об этом! Я-то знаю о своих!

— А с чего ты решила, — вступился за друга Август, — что никто не знает про его крылья? Может, я знаю!

— Всё это полная чушь! — заявила личинка Мария, лежавшая на камне. — Полная чушь! Чу-у-у...

И тут с ней начало что-то происходить.

Ее зеленовато-коричневое тельце сделалось как будто шире, а в середине его появилась щель.

— Эй! Мария! Тебе плохо? Тебе помочь?

Но личинка не отвечала и продолжала странное действие.

Щель становилась всё больше и больше, пока кожа наконец совсем не разошлась, как шов на старой одежде, и вот под коричневой оболочкой на голове показались три красных глазка, а прошлое грубое тело обратилось в нежное бледно-зеленое.

— Ее пора спасать! Что с ней творится?! — заволновался Август.

— Тсс! — прошептал Платон. — Такая личинка не пропадет! Она лучше знает, что ей нужно.

Друзья замороженно стояли и не могли оторвать глаз от непонятного, невиданного прежде превращения.

На месте личинки Марии появлялось что-то прозрачно-зеленое с большими глазами, похожими на ягоды черники. Вдруг новое существо откинулось назад и зашевелило зеленовато-желтыми лапками — быстро-быстро. От личинки Марии не осталось ничего — кроме полупрозрачной сухой коричневой оболочки, из которой кто-то крылатый отчаянно пытался выбраться и махал лапками. Крылья еще были смятыми, но постепенно распрямлялись и наливались силой. Наконец он окончательно освободился от прежнего тела и занял место личинки Марии на камне, а то, что

от нее осталось, упало на землю, будто сухой дубовый лист.

— Как это возможно? — недоумевал Платон. — Как красиво он отнимает лишнее и прибавляет недостающее!

Тем временем крылья новоявленного насекомого совсем окрепли: оно подняло их и опустило, потом еще раз подняло — точно пыталось взлететь. Но нет — насекомое просто проверяло, всё ли на месте, всё ли работает.

— Чу-у-у... чу-у-удесный вечер сегодня! — радостно произнес большеглазый прозрачнокрылый незнакомец. — А вы кто такие, друзья?

— Как кто? — удивился Август.

— Я же вытаскивал тебя из оврага! — растерянно произнес Платон. — Разве ты не помнишь? Это мой друг волколис, а ты — личинка Мария.

— Какой овраг? Какая Мария? — незнакомец явно не понимал, о чем с ним говорят. — Меня зовут Яша. Я певчая цикада. И это значит, что я летаю и живу высоко, и, могу вас уверить, я никогда не бывал в овраге. Вы наверняка что-то перепутали. Но вы такие милые, что это и не важно. Я вас уже люблю! Кран-кан-кан! И тебя, хвостатый! И тебя,

странное существо! Вдруг ты тоже крылатое? Тоже насекомое?

Яша закружился и взвился в небо. Там, в высоте, он спел непонятную песню на непонятном языке. Потом он вернулся на камень и спросил:

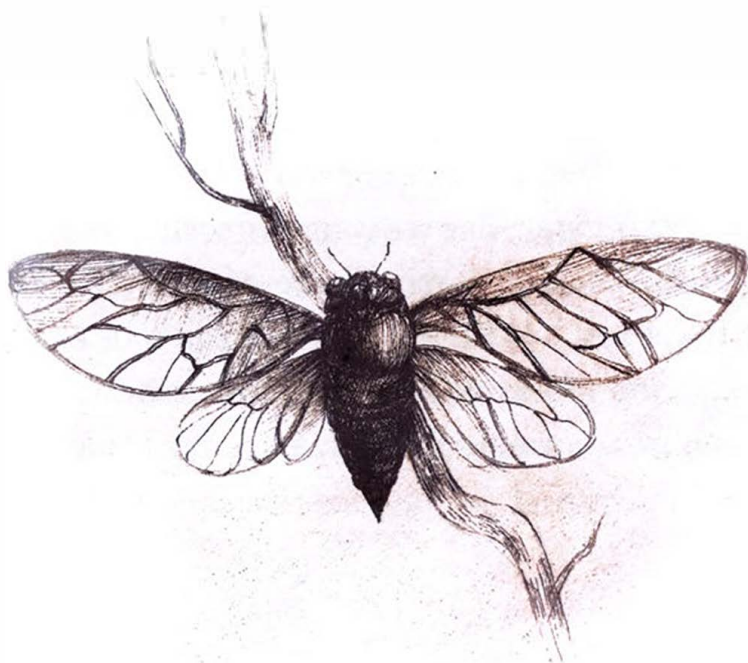
— Вы что такие грустные, друзья?

— Мы не грустные, — ответил Август, — мы просто кое-что не можем понять.

Он думал о странном превращении личинки Марии и о том, что Яша совсем, выходит, ничего не помнит о своей прошлой жизни.

— А еще мы кое-кого ищем! — добавил Платон.

— Какие вы загадочные! — рассмеялся Яша. — «Кое-что, кое-кого»... Ну и кто же вам нужен? Я летаю высоко, а с высоты виднее.



— Держиоблако! — гордо заявил Платон.

— Самого?! — недоверчиво переспросил Яша.

— Самого! — ответил Август.

— Ну что же! Это не сложно! — сказал Яша. — Любая тля, каждый жук, всякое насекомое знает, где живет Держиоблако — великий шестилапый повелитель! Крылья его достают до неба, и, когда он машет ими, на земле дует ветер. Поднимайтесь высоко-высоко в гору, а там спросите у любого жука — он вам точно скажет, куда идти.

— Акавар-р! Откуда тебе это известно? Ты же только что появился на свет! — удивился Август и еще раз подумал про себя: «Ему знакомо всё на этой горе, а личинку Марию он почему-то не помнит...»

— Я родился с этим знанием! — объяснил Яша. — Каждый рождается с каким-то знанием!

— Интересно, а сколько живут цикады? — не отставал Август.

— Мне нужно спеть много песен! Очень много песен! И вы еще услышите обо мне! — сказал Яша и улетел. — Кр-р-р-ран-кан-кан-кан-кан...

Волколис помахал на прощание хвостом, и они отправились дальше — к подножию горы.

ВОЙ ВОЛКОЛИСА

Солнце уже спряталось, когда Платон и волколис Август наконец дошли до Белой Горы.

В это время суток в горах беспокойно. За каждым камнем торчат чьи-то уши, за каждым кустом не спят чьи-то глаза. Кто-то боится тебя так, что хвост дрожит. А кто-то — наоборот — притаился и ждет подходящего случая, чтобы наброситься и клочка от тебя не оставить.

Платон прижался к Августу: так, думал он, безопаснее. Но волколис и сам боялся: за время городской жизни он успел напрочь отвыкнуть от леса и вздрагивал при каждом шорохе.

До этого они ночевали у камней, под деревьями, на обочинах дорог, в поле. И это была их первая ночь в настоящем лесу у подножья горы.

Августу было так страшно, что его рыжая шерсть на спине вздыбилась, а длинные серые волоски в ушах зашевелились. Некоторое время

Платон и Август сидели прижавшись друг к другу. Слышно было, как у волколиса от страха стучат клыки.

— Даже когда я полез в воду... даже когда я увидел призрака... даже когда случился пожар... мне не было так жутко, как сейчас, — дрожал он. — А если на нас нападет ночной хищник? А если тут бродит охотник? А если в лесу теперь всё иначе? Если тут новые злые хищники? Или и вовсе чудища?

Платон не выдержал и громко прошептал:

— Как это понимать? Я шел в лес с волколисом, а не с трусливым хорьком! Или я перепутал и ты на самом деле — большой хорек?

По спине Августа пробежал холодок. Он вспомнил, как родители рассказывали ему о дикой жизни, как он делал первые шаги по лесу, как учился прислушиваться, принюхиваться, понимать значение каждого шороха, как страшно ему было вначале и как он хотел быть смелым и ловким.

Он вспомнил прежнюю жизнь с Ани — спокойную домашнюю жизнь, далекую от лесных переживаний. Он сидел на подоконнике, смотрел на мир через стекло: и ветер был за стеклом, и чьи-то шаги — за стеклом, и небо, и звезды,

и голоса, и страхи. Но Август ни о чем не жалел. Так получилось, что он не всегда был самым смелым или самым любимым. Главное — и это он теперь знал наверняка — в любой ситуации оставаться волколисом.

Всю ночь Август вспоминал и размышлял. А на рассвете он встал, выставил правую лапу вперед, потом левую, поднял хвост, отряхнулся и закричал на весь лес:

— Я — волколис! Волколи-и-ис! И я не боюсь ни хищников, ни людей, ни подземных, ни небесных чудищ! Потому что я — дикий зверь!

С этими словами он протяжно, пронзительно завыл:

— Уууу-УУууу-УУУуу-УУУУ!

КАМНИ

И тут с горы покатались камни — большие, серые, сердитые. Одни — покрытые мхом, другие — гладкие и блестящие.

Камни сгрудились у хвоста Августа и стали возмущаться:

— Ты чего так кричишь? Мы из-за твоего крика скатились сюда! А нам и наверху нравилось! Наверху всегда лучше, чем внизу! Спросите у любого камня, он подтвердит!

— Да-да, — вмешался мшистый. — Наверху почет и уважение! Наверху ты — горный камень! А внизу — просто булыжник!

Платон и Август посмотрели друг на друга и отодвинулись подальше от говорящих камней.

— Вы должны вернуть нас назад!

— И не просто туда, откуда мы скатились, а на самую вершину!

— Туда, куда мы сами не доберемся! Слышите?

— Мы вас отлично слышим! — сказал наконец Платон. — Вы, кажется, хотите на наших спинах забраться повыше!

— Верно! — подтвердил блестящий. — Только там, наверху, нас будут уважать и считаться с нами!

— Но вы слишком тяжелые! — возразил Август. — Нам и без вас нелегко!

— А легко вот так за секунду потерять то, ради чего живешь?

Платон вытянулся, его перья задрожали, зашевелились, и одно — перо клинтуха — упало на камень, покрытый мхом:

— И ради чего же?

— Апчх! — чихнул мшистый и многозначительно пояснил: — Ради славы и прочих почестей! Разве не ясно?

— Как раз всё ясно! — произнес Платон. — Мы пойдем дальше, а вы останетесь здесь!

Камни недовольно забурчали, застучали боками.

— А кстати, раз вы скатились сверху, может, скажете, где там найти Держиоблако? — спросил Август.

— Кого? — удивились камни.

— Держиоблако! Великана!

КАМНИ

И тут с горы покатались камни — большие, серые, сердитые. Одни — покрытые мхом, другие — гладкие и блестящие.

Камни сгрудились у хвоста Августа и стали возмущаться:

— Ты чего так кричишь? Мы из-за твоего крика скатились сюда! А нам и наверху нравилось! Наверху всегда лучше, чем внизу! Спросите у любого камня, он подтвердит!

— Да-да, — вмешался мшистый. — Наверху почет и уважение! Наверху ты — горный камень! А внизу — просто булыжник!

Платон и Август посмотрели друг на друга и отодвинулись подальше от говорящих камней.

— Вы должны вернуть нас назад!

— И не просто туда, откуда мы скатились, а на самую вершину!

— Туда, куда мы сами не доберемся! Слышите?

— Мы вас отлично слышим! — сказал наконец Платон. — Вы, кажется, хотите на наших спинах забраться повыше!

— Верно! — подтвердил блестящий. — Только там, наверху, нас будут уважать и считаться с нами!

— Но вы слишком тяжелые! — возразил Август. — Нам и без вас нелегко!

— А легко вот так за секунду потерять то, ради чего живешь?

Платон вытянулся, его перья задрожали, зашевелились, и одно — перо клинтуха — упало на камень, покрытый мхом:

— И ради чего же?

— Апчх! — чихнул мшистый и многозначительно пояснил: — Ради славы и прочих почестей! Разве не ясно?

— Как раз всё ясно! — произнес Платон. — Мы пойдем дальше, а вы останетесь здесь!

Камни недовольно забурчали, застучали боками.

— А кстати, раз вы скатились сверху, может, скажете, где там найти Держиоблако? — спросил Август.

— Кого? — удивились камни.

— Держиоблако! Великана!



— Да нет никакого Великана! Это всё выдумки таких же глупых существ, как вы!

— Ишь! Нашлись тут умные! — рыкнул Август, подошел к блестящему, поднял лапу и помочился на него.

— Счастливо оставаться! — насмешливо бросил Платон.

— Вы глупые! — кричали им камни вслед. — Мы живем тысячу лет и никакого великого Великана не видели! Ни Держиоблака, ни Держитучи! Потому что его нет, кем бы он ни был! Глупые!

КЕДРЫ

Волколис и Август молча поднимались, шуршали прошлогодними листьями, похрустывали сухими ветками. Они давно не ели, и в животах у них урчала пустота.

— Фух! Я устал! — вздохнул Платон и плюхнулся у корней старого кедра. — Давай, может, поищем орехов?

— Орехи меня не спасут, — загрустил Август. — Я бы сейчас проглотил целую курицу! И десяток мышей! И кротом бы закусил!

— Думаешь, это дух голода их прислал? — донеслось откуда-то сверху, стоило Августу замолчать.

— Чем же наш лес прогневал его? Разве белки не приносили ему даров? Разве сойки не прилетали к нему с полными клювами?

— А этот, второй?

— Не видать мне иголок, если это не дух пустоты!

— И это значит, наш лес умрет от голода и опустеет?!

Платон и Август посмотрели вверх. Там никого не было. Но если ты ничего не видишь, это еще не значит, что ничего нет.

— Кедр! — воскликнул Август. — Это они!

— Пощадите! — завопил высокий кедр. — Звери нашего леса принесут вам столько еды, сколько пожелаете! Они поймают вам кротов и мышей!

— Мы отдадим вам все наши шишки с орехами! Только не губите наш лес! — взмолился второй кедр — тот, что пониже и помоложе.

— Я не знаю, что здесь происходит, — замялся Платон, — но идея с орехами мне нравится!

Тут же с кедров стали падать шишки — одна за другой. Получилась целая гора, за которой можно спрятаться от ветра. А хищные серокрылые птицы нанесли не меньше дюжины мышей.

— Ну ладно, ладно, не усердствуйте так! — еле выбравшись из-под шишек, пробурчал Платон.

— Да не собираемся мы опустошать ваш лес! — взмахнул хвостом Август. — С чего вы взяли?

— Верховный кедр! Спасибо, что услышал наши просьбы! — обрадовалось дерево, то, что пониже.



А высокий кедр закачал ветками в разные стороны, как будто пустился в пляс:

— Вы точно не посланники духов голода и пустоты?

— Больше нет, — довольно произнес Август, заглатывая мышей. — Пустота исчезла.

Волколис сел и положил лапу на живот.

— Мы никакие не посланники, — объяснил Платон. — Мы просто поднимаемся на гору, чтобы найти Великана Держиоблако.

— Самого Великана? — ужаснулся маленький кедр.

А кедр повыше начал причитать:

— О, лесные спасители! Друзья мои, вы хоть понимаете, как он велик? Он отец всех лесных духов! Даже Дух Сухого Ствола подчиняется ему! Но этот могущественный кедр и не посмотрит в вашу сторону! Он недосягаем для земных дел. Так что лучше бросьте эту затею и оставайтесь в нашем лесу! Будем вместе служить духам, встречать весну и провожать лето! Будем радоваться дождю и ветру, слушать ночные звуки, различать сов по взмаху крыла. Да мало ли занятий! А о Великом Кедре забудьте! Ему нет никакого дела до вас!

— О Кедре?! — удивился Август. — Разве мы не Великана ищем?

— Всё верно! — подтвердило дерево. — Великан и есть Кедр!

— Ну уж нет! — возмутился Август. — Цикада нам сообщила одно, камни — другое, вы — третье... А мы пойдем куда шли! И найдем того, кого ищем! И никакие деревья нам не указ!

— Тогда возьмите с собой хотя бы разгоняй-травы! — пропищал маленький кедр. — Она отгонит от вас злых духов леса. Они здесь на каждом шагу!

— Нам, пожалуй, хватит и орехов! — сказал Платон и поднял несколько шишек.

— Безумные! — крикнул им вслед высокий кедр.

— Храни вас тайный лесной помощник! — крикнул кедр поменьше.

ОЗЕРО

Чем выше они поднимались в гору, тем труднее им становилось дышать. Облака, казалось, вот-вот упадут на голову — такие они близкие. Кедровый лес закончился, и гора облысела. Теперь ее обитатели — камни и редкая трава. А на эти камни ложатся птичьи тени, а над тенями парят сами птицы — медленные, далекие от всего мира.

— Потерпи, Платон, напряги перья — скоро мы будем на месте! — подбадривал друга волколис.

Платон догрыз последний орех и посмотрел на гору:

— Сначала я думал: «Когда же закончится город?» Это когда я только вышел от Мастера Муна и еще совсем не знал, куда мне идти. Потом я хотел, чтобы поскорее закончилась дорога до горы, потом я мечтал, чтобы закончилась

засуха. Теперь вот эта бесконечная гора! И знаешь что, волколис?

Август мотнул хвостом и с любопытством посмотрел на друга. Он почувствовал, что Платон хочет сообщить нечто важное, и приготовился услышать его слова. Волколис не сразу понял, какими вообще бывают слова, ему пришлось испытать их на собственной серо-рыжей шкуре, но он гордился этим знанием, хотя еще ни с кем им не делился. Некоторые слова, как мячики, отскакивают от головы, укатываются куда-нибудь в кусты и там лежат, пока не превратятся в пыль. Есть и такие, что впиваются, как занозы, и ноют в теле — то одно заболит, то другое, — а это слова, слова, это они не дают покоя. И бывают еще слова-волны, теплые или прохладные, но в них всегда радостно окунаться, и хочется подольше поплавать в их нежности и спокойствии.

— Август! Знаешь что? — повторил Платон.

— Я весь — уши! И даже мой хвост тебя слушает!

— Хвост — это лишнее, — засмутился Платон. — Я только хотел сказать, что раньше я ждал, когда что-то закончится, а теперь я жду, когда что-то начнется.

— Если вы спросите меня, то я бы на вашем месте вообще ничего не ждало, — раздался медленный тихий голос.

— О нет! — заволновался Август. — Здесь же нет кедров! Кто тут опять всё про всех на свете знает?

— Ну, допустим, я, — сказала Озеро, спрятанное среди камней.

Оно было маленькое, неглубокое, но такое голубое, словно это и не озеро вовсе, а небо, притаившееся на горе. По нему плавали белые цветы, и ничто его не волновало — ни ветер, ни мысли.

— Вы — Озеро? В смысле, это вы говорите? — недоумевал Август.

— Я или не я — какая разница, — размышляло Озеро. — Что вообще такое я? — И спокойное Озеро покрылось быстрой рябью. — Вот вы знаете ответ? Знаете, кто вы?

— Ты знаешь? — Платон повторил вопрос и посмотрел на Августа.

— Нет-нет, стойте! — насторожился волколис. — Ва р-рэр! Я не хочу об этом думать! Так мы можем остаться здесь навсегда! А нам надо идти!

— Зачем? Куда? — нехотя спросило Озеро. — Это всё суэта и пустые желания. А от них одни

беды. Вот меня — ничто не тревожит. Бросьте в меня камень! Бросьте, не бойтесь!

Платон подобрал круглый камешек и бросил в Озеро: плак-плак. Вода заволновалась, но вскоре успокоилась, будто ничего и не было.

— Пусть в меня падают камни, — сказало Озеро, — пусть ветер надо мной летает или снег, пусть солнце согревает меня — ничто не может надолго изменить меня, и я снова и снова возвращаюсь к своему водяному спокойствию.

— И что же, вы так всю жизнь тут лежите и молчите? — спросил Платон.

— Для мудреца любое слово — лишнее, — произнесло Озеро. — Мне нравится молчать. Хотя вот сейчас я трачу слова на вас.

Платон устроился рядом с камнем у Озера и стал смотреть на облако. Тишина сделалась такой густой, что, казалось, ее можно потрогать.

Волколис нервно замотал хвостом:

— Нет-нет-нет! Рэ-рэ-рэ! Ну-ка встань немедленно! Это ловушка! Нас хотят заманить в какую-то вечность!

— Да ладно тебе! — медленно произнес Платон. — Смотри, как красиво! Может, Озеро право? И не нужно никуда спешить?

— Не нужно! — подтвердило Озеро. — Ты спешишь, только когда ты чего-то хочешь. А если ты чего-то хочешь, значит, ты не свободен от своего желания!

— То есть если я хочу съесть вкусную мышку, значит, я не свободен от мышки? — наострил уши Август.

— Именно! — подтвердило Озеро. — От *вкусной* мышки!

— Всё! С меня хватит! — возмутился волколис. — Я всего лишь дикий зверь и люблю побегать, поесть, поспать и повыть на луну. Так что на меня ваши истории не действуют!

— Даже история про слепыша? — таинственно прошептало Озеро.

— Про кого? Слепыша? Кто это такой? Что с ним случилось? — Платон без остановки задавал вопросы и так умоляюще посмотрел на друга, что волколису пришлось уступить.

Он сел рядом, поджал хвост, опустил усы и сказал:

— Хорошо, Озеро! Мой друг Платон хочет послушать историю про слепыша. Но потом мы пойдем, потому что у нас есть дела поважнее, чем просто сидеть и размышлять!



Озеро равнодушно посмотрело на своих гостей.

— Моя история про то, что исполнение желаний не всегда приносит радость, — Озеро говорило медленно — так, как будто еще одно слово — и оно уснет на веки вечные. — Однажды из норы появился малыш-слепыш. Эти зверьки живут под землей и ничего не видят от рождения. Вот такой крохотный мохнатый и пузатый грызун вылез однажды и сел у зеленого камня. Всё, о чем он мечтал, — увидеть свет, разглядеть мир вокруг.

Август начал возить хвостом по камням. Маленькая ящерица взглянула на него и спряталась. «Если дальше ничего не случится, я уйду!» — решил он про себя. А Озеро невозмутимо продолжало:

— Так он сидел три дня, а потом еще три дня, и... на второй день после последних трех... слепыш... прозрел!

«Ну хоть что-то!» — обрадовался волколис.

— Слепыш стал видеть всё на свете, — Озеро повысило голос, — на всё смотреть, всё изучать. Еще четыре дня просидел слепыш у камня. А на пятый как закричит, как запищит, что

не хочет он больше ничего видеть, что плохо ему от этого! Что хочет он снова быть слепым-преслепым.

Волколис хмыкнул. Но он лучше других понимал, что значит долго-долго чего-то ждать. И во все не важно чего — надеть желтое платье, увидеть свет или обрести друга. Нужна немалая сила, чтобы принять все эти чувства, краски и звуки, если до этого ты их не знал, а только мечтал о них.

Ящерица спустилась по щеке камня на землю и убежала. Ей не хотелось узнавать конец истории.

— Слепыш просил небо услышать его, но небо не слышало. Тогда он набрал полные лапы земли и засыпал глаза. Ему даже не было страшно, потому что ничего страшнее мира он в жизни не видел. А потом он ушел под землю, в нору. Больше ни деревья, ни звери его не встречали.

— Я думал, вы нам что-то повеселее расскажете! — рыкнул волколис и встал.

— Да уж... — вздохнул Платон. — И как после такого идти дальше — к Держиоблаку?

— А! Так вот вы куда собрались! — удивилась голубая вода. — Держиоблако — это великое Озеро на вершине горы! В нем отражается

небо — до единой тучки, как больше нигде на свете! И такое оно мудрое, такое оно спокойное, что даже самый сильный ветер не сможет его разволновать! Только лапами — или что там у вас — вы к нему не придете. И смысла в вашем пути нет никакого! Чтобы прийти к Держиоблаку, нужно остановиться!

— Вставай, Август! — настаивал волколис. — Так мы точно никуда не придем, если будем сидеть тут, на камнях! — И Август пнул друга сильно-сильно, так что тот подскочил, зашуршал листьями и стал подниматься дальше в гору, не успев даже попрощаться с Озером.

А Озеро продолжило смотреть на облако, как будто ни с кем не разговаривало, как будто ничего, кроме неба, уже тысячу лет не видело.

КОЗЕРОГ

Подниматься становилось всё тяжелее — слишком крутым был склон. Но друзья всё равно радовались, потому что они — вместе и никакое дерево, никакое озеро больше не будут морочить им голову.

— Хотя, знаешь, что-то в этом Озере было особенное! — сказал Платон, когда они сели отдохнуть.

— Да уж, если бы я тебя не утащил оттуда силой, ты бы так и сидел с ним, смотрел на облака!

— Ну... — задумался Платон. — Во всяком случае, с ним интереснее, чем с теми елками!

— Кедрами! — поправил волколис. Он повернул нос на восток и вспомнил одну историю: — В тех местах, где я жил, в Пурпурном Лесу, обитал необычный кедр — многие его боялись, а то и вовсе не любили. Просто потому что он особенный. Так получилось, что этот кедр вырос корнями вверх. И всех лесных жителей это страшно возмущало и не давало покоя. Даже папа, помню,

ходил недовольный. Однажды белки решили его исправить, пересадить как надо. Не знаю, как им это удалось, — долго они возились, конечно, но кедр стал самым обычным. Только он быстро высох и упал на землю при первом ветре. И больше он, понятное дело, не встал.

Август тяжело вздохнул: его мысли были не здесь, а в лесу волколисов — там, откуда он родом, куда ему предстояло вернуться.

— Как я скучаю по лесу! По разным-разным деревьям! Они не похожи друг на друга, хотя вроде бы ствол и ствол. Но у каждого — своя история! Это я знаю с детства!

Вдруг за ветками друзья услышали чье-то дыхание:

— Ты прав, мой друг! Все создания на земле — особенные!

Перед Платоном и Августом стоял маленький Козерог и смотрел на них большими добрыми глазами. Он дожевывал мятлик и причмокнул:

— Мы разные! И поэтому так интересно понимать и любить друг друга! — Козерог словно пел, только без музыки. — Все на земле особенные: и кедр, и елки, и даже сухие шишки. И булыжники, и камни. И вы, конечно, тоже.

Август сделал шаг и прикрыл Платона хвостом:

— Мой друг очень доверчив! Пожалуйста, не надо его обманывать и рассказывать невероятные истории!

— Ну что вы, — спокойно ответил Козерожек, — я вовсе не обманываю! И ничего не собирался рассказывать! Я простое животное и просто верю. Как учит меня мама.

— Во что ты веришь? — спросил Платон.

Август насторожился.

— В вас, — ответил малыш Козерог. — В то, что мы любим друг друга. И не сделаем друг другу плохого.

«Вот бы охотники так рассуждали!» — подумал волколис и подошел поближе к Козерогу:

— Послушай, братец, ты еще слишком маленький и... просто будь осторожен. Если сюда придут люди с ружьями и собаками, лучше ты им про любовь не рассказывай. Лучше сразу убегай куда подальше. И других предупреди.

— Я ничего не боюсь, — ответил Козерожек. — Я думаю, что любовь сильнее ружей и собак! Она всех поднимает над страхом!

Август молча покачал головой. За свой волколисий век он видел людей, которые охотятся

на животных, узнал обман и предательство, был одинок, и тогда, на чердаке заброшенного дома, жизнь показалась ему ненужной и пустой. Поэтому он не очень-то доверял людям и животным. И даже деревьям и камням.

— Поднимает над страхом... — повторил Платон. — Дорогой Козерог, а твоя любовь не поднимет нас повыше? Нам надо попасть к Держиоблаку! А мы уже так устали идти...

Глаза красивого зверя сделались еще больше. Он разволновался, захватил губами жесткую травинку и принялся старательно жевать.

— Ты слышишь нас? — спросил Август и заглянул юному Козерогу в глаза. — Мы хотим, чтобы ты проводил нас к вершине горы! Я пойду своим ходом, а вот моего друга хорошо бы посадить к тебе на спину. Он легкий! Ты и не заметишь!

Козерог жевал и думал. В конце концов он сказал:

— К трехроговому козерогу Держиоблаку невозможно прийти просто так! Мама говорит, он живет выше всех и на своих трех рогах держит целое небо! И поэтому оно не падает, и поэтому мы живем на земле! Оставайтесь лучше



со мной! И мы будем ходить по лесу и всем на свете рассказывать про Держиоблако! Пусть каждый узнает про трехрогого козерога!

— Да все и так про него знают, — заметил Платон. — Только для одних он человек, для других — дерево, для третьих — озеро. А для вас вот козерог! Я так запутался, что еще немного — и забуду: кто я, куда и зачем иду!

— Я тебе напомним! — вмешался Август. — Ты идешь на вершину горы, чтобы узнать у Великана Держиоблака — кем бы он ни был — рецепт от страха для аптекаря Мастера Муна! Помнишь? А я провожаю тебя, потому что я лесной и дикий. И со мной проще на звериной горе.

Платон притих и как будто стал меньше. При мысли о Мастере Муне ветерок внутри него заволновался, забился, задрожал...

— Нельзя терять ни минуты! — решительно произнес он. — Я обещал, и я сдержу слово!

— Друзья, — сказал большеглазый Козерожек, — я живу высоко, а здесь я только обедаю. Здесь самый сочный мятлик на всей горе! И я с радостью провожу вас почти на самую вершину — через Склон Пятнистых Саламандр к Поляне Страха. Но дальше вы сами. Потому

что так высоко и так далеко не забирался еще ни один козерог. И я не осмелюсь подняться туда, во владения Держиоблака.

— Ну, мы не козероги — нам можно! — волколис бодро взмахнул хвостом и помог Платону взобраться на спину их нового друга. Август и правда почувствовал, что с этим зверем можно подружиться: он по-настоящему незлой.

НА ПУТИ К ПОЛЯНЕ СТРАХА

Оказалось, что Козерожек побаивался пятнистых саламандр. Он сказал, они странные и считают, что всегда правы. Пять раз в день они собираются у большого острого камня и шепчут что-то тайное, свое.

Иногда огненные саламандры спорили и ссорились — Козерог никак не мог понять почему. Но он и не вникал — просто старался никогда не вмешиваться в дела этих пылких обитателей горы. «Мама говорит, каждому свое, каждый о своем!» — повторял маленький Козерог всякий раз, вздыхая и вздрагивая при виде ярких черно-красных пятен среди камней.

— И я не удивлюсь, если они думают, что Держиоблако похож на них! — прошептал Козерожек, чтобы ни одна саламандра его не услышала. — А знаете почему? Почему я так решил? — он помолчал, а потом произнес совсем тихо: — Потому что они боятся Держиоблака! И я бы

тоже боялся его, если бы он был похож на огненную саламандру! Еще бы! Но Держиоблако — добрый козерог! Его не надо бояться. Его надо любить.

— А почему ты так уверен в этом? — спросил Платон. — В том, что Держиоблако — это козерог? Что ему мешает быть саламандрой? Или озером? Или кедром? Или... — он задумался и огляделся, — волколисом! Может, он держит облако на кончике волчьего носа? Может, он гоняет тучи лисьим хвостом?

— Хм-м... — протянул Козерожек. — Но мама говорит...

Платон сильно-сильно зашуршал листьями: меньше всего ему хотелось в сотый раз слушать о том, что говорит мама Козерожека.

Август подумал, что он ни разу не спрашивал родителей о Держиоблаке. И опустил нос. Как бы он хотел поговорить с ними, и с братьями, и с сестрами! Он бы спросил у них обо всём на свете: о жизни в лесу, о друзьях и врагах, о новостях и легендах, о доме и о путешествиях в мир других деревьев. Наверное, он бы спросил и про Держиоблако. Но, честно говоря, этот Великан, который живет на вершине горы,

его никогда не интересовал. Держит он облако рогами или хвостом, саламандра он или кедр — Августу было всё равно, ему просто хотелось снова оказаться со своей семьей, чтобы его ждали, чтобы о нем заботились и он бы заботился в ответ. «Потому что семья без заботы — это просто буквы: с-е-м-ь-я. И они разбросаны, как холодные камни по речному дну. А семья с заботой — это камни, сложенные в дом, куда хочется возвращаться», — решил он.

— Послушай, господин пуховое перо! — обратился Козерожек к Платону. — Горные жители и все остальные могут думать что хотят! Наши мысли — свободны, как летние жуки. Но то, что Держиоблако — это козерог, — ясно, как то, что у горы есть вершина, а у земли есть небо!

— Ва-араш-ш-ш! — рыкнул Август. — Ничего не ясно!

— Это потому, что никто вам не рассказывал о Держиоблаке. Если бы вы знали больше, вы бы так не говорили!

— Если бы вы знали больше, вы бы все сейчас помолчали! — раздался строгий и одновременно нежный голос.

— Мама! — обрадовался Козерог, цокнул копытом и подбежал к величественной красивой Козерожихе.

— Ну-ка не шуми! Поляна Страха не любит громких звуков!

Перед самым крутым и опасным склоном, который вел на вершину горы, за камнями, похожими на зубы, начиналась Поляна Страха. Козероги сюда не забредали: им это было запрещено. Только отчаянные смельчаки близко-близко подходили к камням-зубам и, замерев, смотрели вверх. Все они давно забыли, почему им туда нельзя: больше тысячи лет прошло с тех пор, как родился этот запрет. Может быть, потому что они уважали древний страх и не хотели его тревожить. А может быть, потому что с Поляны Страха начинались владения Держиоблака. И, хотя козероги утверждали, что не боялись его, все-таки что-то не пускало их дальше, к тому, кто держит небо и не дает ему упасть.

— Мы пойдем дальше! Спасибо, друг Козерожек! — поблагодарил Платон.

— Как — дальше? Куда — дальше? — прошептала мама Козерог.

— К Держиоблаку!

— Но вы не можете зайти на Поляну Страха! — От волнения она затрясла головой.

— Как это — не можем? — Платон решительно подошел к каменному зубу. — Вот это клык! Ну-ка попробуй укусить меня! — И он принялся карабкаться по камню, цепляясь за его неровности и выступы.

— Нет! Нет! — мама Козерог кинулась к Платону, но он уже успел перепрыгнуть на другую сторону, потеряв два пера — дутыша и якобина. — Это не страшно! — объявил он. — Видите? Я здесь! Давайте и вы сюда! Что вам мешает?

— Память, — тихо ответила мама Козерог. — Она мудрее и старше всех нас. Она живет в нас с рождения и не велит ступать на землю этой Поляны. А еще она передает нам знание о Держиоблаке. Мы такие, какие есть, благодаря нашей памяти. И мы помним жизнь за всех, кто был прежде. А тот, кто будет после, станет помнить про нас. Память нельзя прерывать и нельзя нарушать ее законы!

— Но у Платона и у меня — другая память, — заметил волколис. — И в нашей памяти нет ничего ни о Поляне Страха, ни о том, что туда нельзя!

— Этого не может быть! — удивился малыш Козерог. — Потому что память у всех одна! Все рождаются, и от рождения умеют дышать, и знают, что ночью нужно спать, а днем — искать еду, что жару лучше переждать в тени, что самый вкусный мятлик растет на нижнем склоне, что Держиоблако держит небо и что на Поляну Страха никому нельзя!

«Вот уж как бы не так! — подумал Август, но промолчал. — Все умеют дышать? Но моя сестренка умерла, едва родившись, — она так и не научилась дышать. Спать ночью? А как же летучие мыши, ежи, совы? Жара? Так есть те, кто без нее не может жить и погибает на холоде! Мятлик? Да он вообще невкусный! Как только они его едят?» — размышлял волколис.

— А что будет с тем, кто не послушает эту вашу память? — спросил из-за камня Платон.

Козероги попятились. Их глаза стали огромными, а голоса — тихими-тихими, такими, что и не расслышать:

— Что будет? Вы еще спрашиваете, что будет? К тому, кто окажется на Поляне Страха, придет Разотрирог! И тогда конец смельчаку! Останется он без рогов, а может, даже без копыт и хвоста!

— Ерунда какая! — сказал Август и двинулся к зубастому камню. — У нас нет ни вашей памяти, ни ваших р-р-рэу. Рогов то есть!

— Ни ваших страхов! — добавил Платон. — И вообще никаких чужих страхов! Вы, конечно, добрые козероги, но нам и правда пора!

Волколис ловко перепрыгнул на сторону Поляны и помахал на прощание пушистым серо-рыжим хвостом.



НА ПОЛЯНЕ СТРАХА

Волколис и Август оказались на красивой Поляне — светлой, просторной, но какой-то одинокой. Трава здесь была солнечно-зеленого цвета, а над землей поднимались высокие сиреневые, желтые, красноватые цветы. Тишину этого места не нарушало ни жужжание шмеля в траве, ни колокольчик ветра в цветах, ни даже мысли. Они иногда бывают громче шмелей. Только не в этот раз.

Друзья уже были высоко над землей, но небо всё не приближалось: далекое и тихое, оно не шевелилось ни единым облаком, и можно было подумать, что его вообще никто не держит, что оно само по себе, и земля сама по себе, и между ними нет недоступного Держиоблака.

Платон гнал от себя эти сомнения: «Есть, он есть! Мы же не зря столько прошли! Я же обещал Мастеру Муну, Макке и куриному призраку! Он не может нас всех подвести и просто не быть!»

Волколис безучастно огляделся:

— Что-то я не вижу на этой Поляне ни огня, ни Разотрирога, ни еще каких чудищ. И ко всему прочему, мне не страшно!

— И мне! — подтвердил Платон. — Не страшно. Только тихо. Мне так тихо, что я слышу твое сердце. Кажется, я даже слышу и свое сердце.

— Твое?! — удивился волколис. — Я думал, у тебя внутри ничего нет. Ничего такого, что есть у живых зверей или людей.

— Я тоже так думал. А теперь вдруг слышу!

— Может, ты и прав, — вздохнул волколис.

Он бы и хотел поговорить с Платоном, но его мысли были слишком далеко — и от Поляны, и от Держиоблака, и от всего, что не имело отношения к его дому и семье. К его волчьему, к его лисьему роду. Он мечтал вернуться и снова стать настоящим лесным зверем. Чем ближе он подходил к Держиоблаку, тем сильнее рвался в Пурпурный Лес. Август запрыгнул на камень и взглянул на гору, на путь. «Если тебя предали однажды, значит, тебя предали навсегда, — подумал он. — Но если ты родился волколисом, значит, ты навсегда — свободный и дикий!»

Он рыкнул, обнажил клыки и посмотрел в сторону волколисыего леса.



Платон почувствовал, что его друг на самом деле уже далеко. Он не загрустил и не обиделся: каждый ищет то, что ему важнее. Каждый один на один встречается со своими желаниями и страхами. И тут не до обид. Платон слушал, как бьется его сердце, и привыкал к этому новому звуку, вглядывался в небо, вспоминал о Макке. «Скоро я увижу Держиоблако и попрошу его подарить тебе желтое платье, чтобы ты танцевала и кружилась. Я узнаю у него рецепт от страха для Мастера Муна и замолвлю слово о курином призраке. Пусть и он порадуетя».

Волколис сел на камень. Платон сел на траву. За время пути от его перьев и листьев почти ничего не осталось. Он сделался меньше и прозрачнее. А волколис, напротив, стал как будто выше и больше. И хвост его распушился, и когти на передних лапах заострились.

Друзья молча смотрели друг на друга, вдыхали тишину и выдыхали мысли. Они понимали, что им придется проститься, но еще не знали, как именно.

— Надо немного подождать, — вдруг сказал Платон. — И мы всё узнаем.

— Что? — спросил волколис.

— Узнаем, почему нам надо попрощаться.
Мы ведь не можем расстаться просто так?!

— Не можем, — подтвердил Август.

— Значит, нам нужен повод! — решил Платон.

* * *

Солнце катилось за гору. На Поляне становилось ветрено и прохладно. Красные и синие цветы склонились к земле, как будто просили у ветра пощадить их тонкие стебли. А желтые стояли — отчаянно и смело: они и в непогоду не гасили свои фонарики.

ЛЮТИК

— Слышишь? — насторожился Август.

— Нет! — удивился Платон. — Ничего странного не слышу.

— Кто-то идет под землей, — прошептал волколис.

— Кто-то страшный? — заволновался Платон.

— Не думаю. Я уже слышал эти шаги.

Пока они сидели и ждали, небо потемнело. Цветы погасли, трава притихла, показались первые звезды. Вершина горы утонула в ночных облаках. Платону даже показалось, что небо — это вода и они на самом деле сейчас под водами темного океана. И где-то там, далеко-далеко, из него выглядывает вершина горы. И Держиоблако во все не держит небо, а просто живет на горе над водой — один-одинешенек. Потому что весь остальной мир здесь — на дне *небокеана*.

Платон очень хотел рассказать об этом Августу, но вдруг земля под ним зашевелилась, стала

подниматься, и откуда-то из глубины раздалось тяжелое дыхание: «Фр-р-р-р».

Платон вздрогнул и поднял рыжее перо:

— Кому это не сидится в такой час?! Еще и прямо подо мной!

* * *

На Поляну, куда никто не решается прийти, можно попасть не только по Белой Горе. В соседнем Пурпурном Лесу у Горелой Сосны начинается узкая тропинка. Она петляет и путается, становится всё уже и уже, пока и вовсе не скрывается под камнем, присыпанным землей. И так давно никто не разрывал эту землю, что на ней уже выросла трава, а в траве каждое лето появлялся торжественный репейник. Под травой, под землей, под камнем спрятан подземный ход, который ведет к Белой Горе через мрачные лабиринты — так, чтобы лесные звери могли миновать Овражье Подножье, Долину Кедров, Озерный Пустырь, Саламандровое Ущелье, Козерожий Отвес и сразу выйти к Поляне. Через этот лабиринт путь занимает всего четверть луны, а если идти в обход, то о времени можно забыть. Его уйдет столько,

что зима успеет сменить лето, совиные птенцы станут большими птицами, а зайцы скинут серый мех и отрастят белый. Если идти в обход, то и вовсе можно не дойти до Поляны, а остаться, например, в цепких корнях кедров или среди огненных саламандр. Или окаменеть у озера и вечные века молча наблюдать за движением солнца.

Кто и когда проложил этот подземный ход, неизвестно. Непонятно и то, для чего это было сделано, потому что никто по своей воле не отправился бы на Поляну — ни сейчас, ни тысячу лун назад! Жители Пурпурного Леса редко покидали его и не стремились попасть на Белую Гору. А всё же слухи о подземном лабиринте, ведущем к Поляне, летали повсюду, как ночные мотыльки, и волновали лесных обитателей.

— Ведь если есть путь, значит, кто-то когда-то по нему ходил? — думали одни.

— Или кто-то когда-то непременно должен по нему пройти? — размышляли другие.

— Потому что не бывает пути без путника, и на всякую дорогу найдутся чьи-то лапы.

Лютик, младшая сестра Августа, несколько не сомневалась, отправляться ей в такое опасное

путешествие по подземным лабиринтам или нет. Это была последняя возможность спасти волко-лисов.

С тех пор как Август ушел из дома, многое изменилось в Пурпурном Лесу. Всё чаще и чаще здесь стали появляться люди: они шумели, кричали, измеряли что-то длинными линейками, приезжали на высоких машинах, похожих на страшных древних чудовищ, смотрели на пурпурные верхушки кедров и что-то записывали, распугивали подземных мышей и вытаптывали траву. «Они вырубят все наши кедры, проложат дороги по лосиным тропам и построят завод по истреблению леса! А на этом заводе они станут снимать с деревьев кожу, и пилить их, и сушить, а потом увезут их далеко-далеко отсюда, и останутся в лесу только пни, только дороги и следы от зубастых злых машин! — пугала лесных обитателей вездесущая сойка, а той эту новость сообщила собака, которая пришла с людьми. — Завод по истреблению леса! — кричала она, летая от куста к кусту, от норы к норе. — Еще немного — и от Пурпурного Леса ничего не останется! Завод! Завод!»

Всё чаще и чаще люди приезжали в лес на своих рукотворных чудищах:

— Гррррррррр, гррррррррр.

— Пых-пых-пых-пых-пых.

— Жжжж-зззз-жжжж-зззз.

Грохот от них стоял такой, что звери прижимали уши и прятались по норам, а выходили только по ночам. Но как бы они ни таились, никуда от вездесущих машин было не деться. И в семье Августа случилось горе: брат Александр пал в битве с одним из железных монстров, которыми управляли люди.

Пурпурный Лес оказался на краю гибели. Некому стало его защищать: кто-то из зверей погиб, как Александр; были и те, кто бежал в соседний лес и ютился там — чужак чужаком — у корней или под камнями; кто-то просто в страхе сидел в своей норе, смирившись с судьбой.

Родственники Августа, его тетушки и дядюшки были уже стары, чтобы сражаться за Пурпурный Лес. Из молодых в семье остались только сестры Аврора, Лютик и Коготок, близнецы Петрус и Пардус и двоюродные братья Лео и Карлин. Но что они могли сделать?

Волколисы больше не собирались у Горелой Со-сны, не обсуждали общие дела, не думали о будущем. Каждый в своей норе — они боялись, что завтра всё закончится, что люди построят этот завод

и спилят все драгоценные кедры с пурпурными верхушками, и негде будет скрыться, и некуда бежать. Потому что здесь их дом и другого дома им не надо. Лютик хотела во что бы то ни стало помешать людям и прогнать их из Пурпурного Леса, но понимала, что одной ей не справиться. Она грызла мышиную косточку в норе, как вдруг услышала пение цикады. Это был Яша — тот самый, который появился из личинки Марии.

Яша родился очень любопытным: всё ему было интересно, везде он хотел побывать. На месте ему не сиделось, и, облетев Овражье Подножье и всю Белую Гору, Яша отправился в соседний лес — Пурпурный, что примыкал к Белой Горе с южной стороны. Там он сидел то на одном дереве, то на другом и занимался любимым делом — пел. Яша сам сочинял незамысловатые песни — о том, что успел увидеть и узнать. В одном из куплетов он рассказывал о звере с головой волка и туловищем лисы, которого встретил на Белой Горе:

И зовут этого зверя Август,
А с ним еще один странный зверь,
Похожий на кучу листьев и перьев.
Но у него есть имя — Платон.

Кран-кан-кан, кран-кан-кан.
Идут они выше и выше
И скоро дойдут до Поляны,
На которую боятся ступить
И козероги, и саламандры.
Только бесстрашные подземные мыши
Бегают повсюду
И ничего не боятся.
Кран-кан-кан.
Странный зверь Август
И его друг, похожий
на кучу перьев и листьев,
Ищут Держиоблако,
А зачем — об этом не знает никто.
Может, и сами они не знают.
Кран-кан-кан, кр-р-р-р-ран-кан-кан, —

протрещал Яша и улетел.

Именно эту песню услышала Лютик. Ее сердце забилось — громко и быстро — так она скучала по брату, так давно мечтала снова его увидеть. К тому же без Августа волколисам не победить людей.

«Правда, он зачем-то ищет Держиоблако, — переживала Лютик, — и, возможно, теперь у него

совсем другая жизнь». Но она верила, что брат не откажется помочь своему родному Пурпурному Лесу. Она верила, что Август по-прежнему любит их всех.

На рассвете, когда волколисы прятались от людей по норам, Лютик прокралась к Горелой Сосне и по узкой тропинке пришла ко входу в тайный лабиринт. Она сразу нашла его: на камне, присыпанном землей, празднично-лилово горел репейник. Тихо, чтобы никто не слышал, она раскопала камень и попыталась откатить его в сторону, навалившись всем телом. На это ушло столько сил и времени, что Лютик уже готова была бросить свою отчаянную затею. Но ближе к закату камень все-таки поддался, и перед ней открылся черный, пугающий, узкий, со множеством поворотов и опасностей, старинный подземный ход. Теперь уже ничто не могло остановить отважную волколисицу, и она смело ступила сначала правой, потом левой лапой во мрак. Лютик знала, что найдет брата по запаху — даже под землей, даже если он в нескольких сотнях шагов, потому что от рождения у нее был особенный обонятельный дар. Она, конечно, помнила, что волколису, который подружился с человеком, нет пути

обратно, и поэтому решила пока никому не рассказывать о возвращении Августа.

Перед тем как пуститься в опасный путь, Лютик попыталась изнутри закатить камень обратно ко входу, чтобы волколисы, которые скоро выйдут на охоту, не увидели, что она затеяла! Потому что ни один волколис не позволил бы ей отправиться в такое путешествие. Сдвинуть камень у нее так и не получилось. Тогда она зарыла вход изнутри и окунулась в холодную темноту.

«Сколько же лун никто не появлялся в этих лабиринтах!» — подумала Лютик. Под землей пахло сыростью, гнилым деревом, мертвыми жуками и землеройками, а еще непроглядной бесконечностью. Кое-где ей приходилось продирааться сквозь проросшие корни, упрямые и жесткие. Иной раз она наступала на кости давно умерших кротов, вздрагивала, и тихий страх звенел на кончике ее хвоста. Где-то успели обосноваться подземные жуки: они настроили жилища и натащили туда всякой дребедени, вроде червей и сосновых иголок. Бедная Лютик останавливалась, чтобы расширить проход и пролезть, не потревожив дома жуков. Долго-долго она шла под землей, ей не хватало воздуха, а от темноты болели



глаза. Иногда ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание; иногда Лютик сомневалась, а помнит ли вообще Август ее и свою семью. «Может, мы не нужны ему больше? Может, он теперь считает своей семьей людей и не станет сражаться против них?» — переживала она. И тут же появлялись другие мысли и прогоняли сомнения: «Нет, у него только одна семья — и это мы! Он по-прежнему дикий волколис, и никто никогда не смог бы его приручить!»

Лютик не ела с самого утра. У нее так громко урчало в животе, что, кажется, весь подземный лабиринт содрогался от этого звука. Только один раз ей удалось поймать зазевавшуюся подземную мышь — без нее Лютик умерла бы от голода. Эта спасительная мышь дала ей силы, и Лютик шла дальше, спотыкалась о корни и падала, поднималась и плелась вперед — медленно и тяжело. Ее поддерживала мечта о брате, она хотела поскорее увидеть Августа, и замахать хвостом от счастья, и всё ему рассказать, и обо всем расспросить, и вместе вернуться в Пурпурный Лес.

Лютик то и дело принюхивалась: нет ли поблизости Августа. Но у Овражьего Подножья его

не было, и в Долине Кедров не было, и на Озерном Пустыре тоже, и в Саламандровом Ущелье им не пахло. А вот на Козерожем Отвесе она его наконец учуяла! «Август рядом! Еще немного! Вперед! Пожалуйста, лапы, донесите меня до брата! — просила она. — Самую малость!» Подземный путь перед Поляной Страха оказался особенно тяжелым. Дорога то поднималась, то резко шла вниз, то снова поднималась, то снова — вниз. От этого кружилась голова, а лапы и вовсе отказывались делать новый шаг. Но запах становился сильнее и вел сестру Августа за собой.

Вдруг дорога оборвалась.

Справа, слева, впереди — всюду были камни. Только в одном месте — над головой — она разглядела клочок земли. Лютик догадалась, что это — выход. Она встала на задние лапы и попыталась разрыть землю. Но с первого раза не получилось. «Давай-давай!» — подгоняла себя Лютик, из последних сил продираясь через корни травы, на которой сидел Платон.

Он и не думал покидать свое теплое место, но толчки из-под земли стали сильнее и настойчивее. Платон отскочил подальше, спрятался за волколеса и пробурчал:

— Что же это такое! Нет, ну что это та...

— Тсс! — прервал его Август и пошел туда, где кто-то пытался вылезти из-под земли.

— Осторожно! — забеспокоился Платон.

Но Август уже не слышал друга, его сердце колотилось, усы дрожали, в глазах отражалась луна, а хвост был похож на маятник. Он накинудся на землю и стал разрывать ее, раскидывая траву, пока наконец не дошел до подземной темноты, в которой сияли испуганные глаза.

Лютик протянула ему лапу, и Август помог ей выбраться из подземного лабиринта.

АКАВАР-Р

Волколис смотрел на сестру и не верил: «Неужели это она, малышка Лютик?» Вся в земле, шерсть свалялась, голова опущена, лапы не держат. Но все-таки — она: Август узнал сестру по белому пятнышку на левом ухе.

«Лю-тик», — подумал он.

— Лютик, — сказал он тихо-тихо. — Лютик! — закричал волколис, и от этого крика с Платона упали вишневые листья. — Акавар-р!

Когда Август уходил из леса, Лютик была еще совсем щенком. Она ничего не понимала и только плакала, расставаясь с братом. Август и не надеялся, что когда-нибудь увидит ее взрослой красивой волколисицей. Какие у нее длинные белые усы, большие черные глаза и пышный хвост! О такой красоте мечтает каждая из рода волколисов!

— Август! — ответила ему сестра. — Йу-у уа-ар!

— Я так скучал! Я так давно хотел увидеть тебя, и братьев, и маму, и папу! У — у-у — у-у-у-у-у-у!

«Он скучал! Он помнит нас! — обрадовалась про себя Лютик. — Он вернется!»

Но тут же она опустила нос и произнесла:

— Волколисы в опасности. В нашем Пурпурном Лесу, — Лютик еще не отдышалась и говорила сбивчиво, — люди хотят срубить все деревья! А-а-а-вув! И не останется ничего — только пни и дороги! Завод! Завод по истреблению леса! Александр! Он погиб под лапами железного чудовища, которое люди привели с собой. Александр погиб! Родители, Коготок и Аврора прячутся в норе. У них нет сил сражаться с людьми. Петрус и Пардус вместе с Лео и Карлином пытаются помешать людям, но всё напрасно.

— А другие семьи? — спросил Август.

Его усы и хвост опустились. Но внутри поднимался гнев, рос, как гриб после ночного летнего дождя.

— У других то же самое, — ответила Лютик. — Кто-то попал в лапы железных машин и погиб, кто-то бежал. Смельчаков, готовых сражаться, очень мало. Скоро на месте Пурпурного Леса будет пустырь! Собака, которая пришла с людьми, передала сойке, что через четверть луны они начнут пилить все наши деревья. Времени помешать им почти не осталось.

— Целая четверть луны! — вмешался Платон.

Лютик пригляделась: увидеть Платона ночью было не так-то просто.

— А! Это и есть говорящая куча листьев и перьев? — Лютик подошла к незнакомому существу и обнюхала его.

— Вообще-то это мой друг Платон! Будь по-вежливее с ним!

— Точно! Платон! — вспомнила Лютик.

— Откуда ты его знаешь? — удивился Август.

Лютик рассказала им про певчую цикаду Яшу, который пел лесные новости.

— Этот Платон и правда какой-то странный, — заметила она. — Уже не человек, еще не зверь. И не птица. Как вы подружились?

— Ну... мы... — начал Платон.

— Потом, Лютик, — строго сказал Август. — Я тебе всё расскажу. Дома. В нашем Пурпурном Лесу. А сейчас нужно спешить.

— Если выживем. И если у нас всё еще будет дом, — вздохнула Лютик.

— Будет! — решительно произнес Платон. — Август больше не домашнее животное, а дикий зверь! Он сумеет постоять за вас и вернет лес волколисам!

— Бодрые слова, друг. Но людей много, и они управляют железными машинами, — ответил Август. — А у нас — только звериный гнев, быстрые лапы и острые клыки.

— Этого хватит! — заверил Платон. — Если у вас есть... — он торжественно помолчал, — коготь... Августа... Пышнохвостого!

КОГОТЬ АВГУСТА ПЫШНОХВОСТОГО

Лютик с недоверием посмотрела на Платона. Он по-прежнему казался ей всего лишь кучей листьев и перьев. «Мало того что он странный, так еще и глупый какой-то», — решила она.

— Коготь? — переспросил волколис.

— Ну конечно! Я, наверное, просто забыл рассказать! На могиле твоего покровителя я нашел вот это. — Платон долго шуршал листьями — в темноте было не разглядеть, что он там делает. Но в конце концов он с гордостью предъявил волколисам странный предмет, и в самом деле чем-то похожий на коготь. — Вы ведь знаете про древнее предание? — спросил он у Августа и Лютика. — Историю о том, что с помощью этого когтя можно победить любого. Надо только сказать нужные слова!

Август и Лютик переглянулись:

— Нет! Не знаем!

— А еще волколисами называетесь! — вздохнул Платон. — Да каждый куст слышал об этом!

Что в когте Августа Пышнохвостого таится сокрушительная сила! Надо просто всегда носить его с собой.

В дырочку посередине когтя Платон продел кожаный шнурок Макки, который он хранил всё это время, и повесил талисман на шерстяную шею Августа.

— Вот! — произнес он. — Теперь ты во всеоружии! Носи его и береги!

— Что вы делаете? — не выдержала Лютик. — Волколисы в опасности! Люди убивают наш лес! Скоро от нас не останется и косточки! А вы заняты непонятно чем! Вы оба не в себе! Кто нам теперь поможет? Кто спасет нас?

— Он! — ответил Платон. — Лесной зверь Август! Этот коготь даст ему силу и мудрость для победы над любым врагом!

Платон забрался на камень:

— Пока я буду читать заклинание, ты ходи по кругу и не останавливайся!

С высокого камня Платон медленно произнес заклинание девять раз:

«На море-окияне, на острове на Буяне, на полой поляне, светит месяц на осинов пень — в зеленый лес, в широкий дол. А у пня волколис

вышагивает круги, на когтях у него все волко-
лисьи враги!»

— Ну вот! Теперь у тебя всё получится! —
заклучил Платон.

Август рассмотрел странный коготь:

— А знаете, я что-то припоминаю про это
древнее предание! И правда, вроде бы папа го-
ворил про коготь Августа Пышнохвостого!

Он задумался и решительно произнес:

— Надо собрать отряд лесных зверей! Мы
сделаем всё, чтобы люди ушли из нашего леса!
Им не место у нас!

— Так же, как нам не место в жилищах лю-
дей! Правда, Август? — сказала Лютик и хитро
посмотрела на брата.

— Люди и звери могли бы любить друг
друга, — прошептал Август. Он сел и поднял
нос к луне. — Для ненависти нужна причина,
а для любви причина не нужна. И я знаю, что
могли бы! Любить!

Платон понял, что если он сейчас не вме-
шается, то волколис начнет вспоминать свою
жизнь у Ани, и загрустит, и уйдет в прошлое
целиком, вместе с хвостом. Поэтому он вышел
вперед и обнял друга:

— А давай мы сейчас проверим, как работает этот коготь!

— Вот именно! — обрадовалась Лютик. — Докажите, что в этом есть хоть какой-то смысл!

Они решили, что для первого задания подойдет большая хищная птица: ее нужно поймать на лету, на большой высоте. Ни один волколис на такое не способен! Только волшебство когтя могло бы помочь в этом деле. Друзья замерли в ожидании подходящей птицы. Вскоре она показалась — огромная, степенная, равнодушная к целому миру. Птица летела, как вдруг Август разогнался, подпрыгнул высоко-высоко и ловко схватил ее. Птица громко хлопнула крыльями и вместе с волколисом рухнула на камень.

— Вы ненормальные? — спросила она, отряхиваясь, ухая и вращая глазами.

— Нормальные! — ответил Платон. — Мы просто проверяли, появились ли у моего друга Августа волшебные силы.

Птица вытаращила глаза и спокойно оглядела всю компанию:

— Ну что же... для волколиса он летает очень даже волшебно!



— Сработало! Коготь нашего предка сработал! — ликовала Лютик.

— А как вас зовут, простите? — вежливо поинтересовался Август.

Ему было неловко, что он потревожил такую важную серьезную птицу.

— Я — сова Серафина. И если я вам больше не нужна для ваших опытов, то, пожалуй, я полечу дальше. У меня, чтобы вы знали, дела!

И Серафина встала к ним спиной, раскрыла крылья и уже собиралась взлететь.

— Погодите! — спохватился Август. — Помогите нам, пожалуйста!

Сова повернула голову назад и удивленно посмотрела сначала на Платона, потом на Лютика, а потом — долго и пристально — на Августа.

— Пожалуйста! — попросил он. — Дело необычайной срочности! Можете полететь в сторону Пурпурного Леса и по пути созвать всех зверей к Горелой Сосне? Чтобы они были там через четверть луны в час между собакой и волком!

— А что? Что будет? — встрепыхнулась сова.

— Будем защищать лес от непрошенных гостей! — Лютик гордо подняла хвост. — И мой брат — во главе звериного восстания!

Серафина пообещала исполнить просьбу волко-
лиса и бесшумно поднялась в ночное небо.
Вскоре друзья слышали подземное движение —
это бессонные жители горы тайными темными
лабиринтами спешили к Горелой Сосне.

ПРОЩАНИЕ

— Нам пора, теперь нам точно пора, — быстро произнес волколис, и эти слова рассыпались по камням, как горох из мешка.

Он бы хотел подольше не расставаться, мечтал не расставаться никогда, но так не бывает. Август успел привыкнуть к этой мысли, и не злиться на нее, и не гнать ее, и не бояться. Иногда расставание оставляет в подарок память и делает из нее разноцветные открытки, которые можно пересматривать в любое время.

Август подошел к Платону. Луна сияла в глазах волколиса, высвечивала его рыжие и серые шерстинки, а по его длинным торчащим усам сновали лунные мошки на тонких лапках. Он гордо стоял — высокий большой зверь, и, казалось, ему ничего не стоит стать хранителем Пурпурного Леса.

Он смотрел на Платона и видел в нем не кучу прошлогодних листьев, не глуповатое и нелепое существо, покрытое перьями, а друга, с которым

ему посчастливилось пройти несколько тысяч шагов. И он бы никогда, ни за что на свете не променял его на другого — даже самого ловкого, быстрого, умного, известного и красивого. Даже на звезду с неба не променял бы!

— Мне кажется, мы больше не увидимся, — сказал Платон. — Потому что у каждого своя гора. Но мне бы хотелось думать, что мой друг волколис Август счастливо живет в своем Лесу с волколисей семьей! И никто ему не мешает радоваться!

— А мне бы хотелось, чтобы путь моего друга Платона изменялся, но не заканчивался. И... если Держиоблако существует, дай мне об этом знать. Как-нибудь. А я разгадаю твой знак, я пойму!

Лютик тревожно взглянула на них, и Платон решительно произнес:

— Давайте уже! Ныряйте в подземелье! Сколько можно стоять и смотреть друг на друга!

— Хочу запомнить тебя, — ответил волколис.

— Послушай. Можно сбросить старую шерсть и отрастить новую. А память не сбросишь. Она внутри.

Август первым скрылся под землей, махнув на прощание хвостом вправо, влево и еще раз

вправо. За ним последовала Лютик, но прежде она шепнула Платону: «Спасибо, что помог ему вернуться! Нам так его не хватало!»

Платон проводил друзей и подошел к большому черному камню. «Мне тоже будет тебя не хватать, дорогой друг волколис. Желаю тебе победы! — подумал он и загрустил. Платон вспомнил, как они встретились на чердаке, как стали собираться в путь, как он нашел ракушку в пыльном углу чердака. — И пусть эта похожая на коготь ракушка на твоей шее хранит тебя и спасает от всех бед. Верь в себя! И ты победишь!»

ХОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Мастер Мун, Макка, куриный призрак, Август и Лютик, певчая цикада Яша, камни, кедры, Озеро, саламандры, козероги и даже дворовый кот, который появился в самом начале этого путешествия, возникли в мыслях Платона. Все они что-то говорили ему, махали руками и лапами, шевелили усами, вздымали хвосты, стрекотали, щелкали, вздыхали.

- Желтое платье! Танцевать! Желтое платье!
- Осторожно! Там прячется огненная саламандра!
- Мы отвоюем Пурпурный Лес у людей!
- Мне так жаль, что я убил вашего предка!
- Рецепт от страха! Спроси у Держиоблака!
- Оставайся здесь среди камней!
- Среди кедров!
- У Озера!
- У козерогов!
- Оставайся!
- Кран-кан-кан!

«Я помню, я всех вас помню, не волнуйтесь, — думал Платон. — И не шумите. Пожалуйста, потише. Моим мыслям нужно отдохнуть. Даже куче листьев и перьев нужно иногда отдыхать». Он прислонился к камню и замер в долгом сне, таком долгом, таком долгом, таком долгом...

Солнце обжигало Платона, ветер пролетал сквозь него, дождь прибывал его к земле, а потом снова выходило солнце. Тысячи мышей пробежали под ним, тысячи сов проухали над ним. И только с камнем, к которому он прислонился, ничего не происходило. Он лежал и не ждал ни хорошего, ни плохого. Когда Платон проснулся, шел снег. Всё кругом было замечено. Поляна напоминала белый ковер со следами-узорами зимующих птиц.

— Август? — позвал Платон, но тут же огляделся и вспомнил, что он здесь один.

«Август, — подумал он, — как ты?»

Платон отряхнулся от снега и подошел ко входу в подземный лабиринт. Его не было видно под белым покровом, но Платон хорошо помнил то место, где в последний раз перед ним мелькнул рыжий хвост друга.

«Надо идти дальше», — решил он, хотя каждая жилка в его листьях дрожала от холода.



J. H.

ВОСХОЖДЕНИЕ

Платон так и не понял, сколько времени прошло с тех пор, как он попрощался с волколисами. Он только помнил, что было тепло, что подземный ход не был присыпан снегом, а козероги радостно жевали мятлик. У него не осталось ни еды, ни предметов, которые могли бы ему помочь в пути на самую вершину горы. У него почти не осталось ни шуршащих листьев, ни теплых перьев. Впрочем, ему ничего и не нужно было, только по-прежнему всё время хотелось пить. Даже сильнее, чем раньше.

Платон подпрыгнул, подышал внутрь себя и отправился вверх, не оглядываясь, не чувствуя холода.

Он шел и шел, а зима всё длилась, сыпала снегом и словно не собиралась отступать.

Ни одного зверя, ни одной птицы не встретил он на пути.

Платон карабкался по камням, а ветер то и дело отбрасывал его в сторону, или назад, или, напротив, подталкивал вперед. Он не думал ни о чем и ни о ком, не вспоминал давнее, не представлял себе будущее. Мысли его были невесомыми. В них звучала только музыка восхождения.

Одна луна.

Две луны.

Три луны.

Четыре луны.

Пять лун.

Шесть лун.

На седьмой луне, рано утром, когда солнце едва показало макушку, а ночной ветер наконец утих, гора закончилась.

«Закончилась?» — удивился Платон.

До самой вершины оставалось совсем немного. Он стоял, не мог сдвинуться с места и не понимал, что ему дальше делать.

Туча, похожая на шкуру медведя, наползла на солнце, и начался снег.

Сначала показалось, что на вершине нет никого. Но все-таки что-то там было. Что-то белое и круглое.

Платон решился подойти поближе и увидел
маленькое
 блестящее
 хрупкое
 одинокое
 яйцо.

Он огляделся — нет ли поблизости птицы. А если и есть, то кто она? Неужели здесь кто-то живет? Неужели кто-то не боится неотступного холода, нептичьей высоты и непроходящего одиночества? Неужели кому-то пришло в голову завести здесь потомство?

Птицы нигде не было. «Может, она охотится и скоро вернется? — подумал Платон. — Но яйцо! Оно же замерзнет!»

Вдруг он почувствовал, как ветер разворошил его листья, как из глубины его существа на цыпочках вышли мысли о Держиоблаке и о пути, который закончился. Вместе с этими мыслями его покинули страх, и печаль, и обида, и сожаление о прошлом, и ожидание нового. Они превратились в снежинки и улетели далеко, чтобы приземлиться на какой-нибудь крыше или на чьей-нибудь ладони и растаять. Платон стоял невесомый, словно пустой, словно стал легче на

самого себя. Но внутри остались и голос Мастера Муна, и тепло Макки, и оранжевое сияние волколиса Августа.

Платон сел на яйцо, чтобы согреть его до возвращения птицы. До возвращения жизни.

Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.
Эта песня о славной победе
Звериного войска!
После битвы у черной
Горелой Сосны
Люди забрали гвозди,
Люди забрали доски,
Люди сложили палатки —
Время лесной тишины.
Снова всё в мирном,
Снова в привычном,
Снова в зверином порядке!
Кран-кан-кан-кан!

Эта песня о тех, кто погиб
У Горелой Сосны,
Эта песня о тех, кто не слышит,
Как я ее тихо пою:

Крот Винтер,
Крот Олаф,
Крот Когтелап
И волколис Пардус.
Мышь Хумус,
Мышь Донна,
Еж Игломет,
И серая сойка Эстрелла.
Первый отряд комаров,
Шмель Пухопуз,
Поползень Сливка,
Мы будем вас помнить,
Мы будем петь о вас песни!
Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.

Эта песня про девочку и про ее отца.
Я видел их, как вижу сейчас свои лапы!
Они уходили из леса.
Они были последними.
Из-за деревьев на них

смотрел волколис.

Такими глазами прощаются.
Такими глазами прощают.
Громкая собака бегала вокруг них.

И девочка сказала: «Фу! Перестань!»
Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.

Эта песня про Августа:
В первую четверть луны
Он бродил один,
И друзья ему не нужны,
И шаги его не слышны.
Тихий, как дым,
Он подошел к сосне.
Эта песня про Августа,
Который увидел снег.
Летний случайный снег.
Только это не снег, а перья
Белых красивых птиц.
Август долго смотрел на небо,
Не опускал ресниц.
Август долго смотрел на стаю,
А снежинки-перья не таяли.
Он стоял недвижимо,
И вдруг перо
Упало ему на шерсть.
Август сел и завыл на весь
Многоствольный лес:

«Спасибо тебе! Я понял! Он есть!
Спасибо тебе! Я помню! Я здесь!»
Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.

Эта песня
Про куклу
Из дерева.
Про спасение
Из пожара лесного —
Из голодного,
Страшного,
Злого!
Подбирался огонь,
Беспощадный огонь
К деревянной
Девочке.
И еще один вздох,
И еще один взмах —
Не осталось бы
Даже щепочки,
Но в руках
У нее
Блестело зеркальце —
Ярче сотен огней!

Но летела
Большая ворона над ней.
И слышала крик,
И увидела
Солнечный блик.
И схватила ворона
Тяжелую куклу,
Воронятам несет,
Думает по пути:
«Будет подарочек им,
Будет и мне — зеркальце!»
Только ворона была невезучая —
Из лап своих скрюченных
Выронила добычу.
Оказалась
В далекой деревне
Кукла из дерева.
Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.

И попала кукла
В уютный дом,
И стали ее любить,
И пошили ей платья:
Белое — для понедельника,

Для вторника — красное,
Зеленое — для среды,
Для четверга — лазурное,
Для пятницы — фиолетовое,
Розовое — для субботы,
Для воскресенья — желтое.
Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.

Эта песня про то,
Как я в город летал.
А город в цветах,
А город в огнях,
А в городе был
Кран-на-вал!
Все радовались,
И смеялись,
И обнимались.
Кр-р-р-р-ран-кан-кан.
И видел я в городе
Серого без хвоста —
Кота!
Он приятель
Человека в белом халате.
Серый кот

В аптеке старой живет
И растит пушистый
Серый живот!
В животе его рыба,
Пирог,
Паштет!
В целом городе
Радостней
Зверя
Нет!

Кран-кан-кан,
Кран-кан-кан.
Эта песня про девочку,
Похожую на апельсин.
Подбежала ко мне,
Глядит,
То один
Усик потрогает,
То другой.
А папа кричит ей:
«Мола! Пойдем домой!»
И не трогай ее —
Пусть сидит себе хоть до вечера!
Красивая и доверчивая

Цикада —
Певчая!»
Девочка убежала,
А я подумал: «Как жалко!
Еще бы стояла,
Еще бы смотрела
На мое красивое
Насекомое тело!»

Кр-р-р-ран-кан-кан.
Эта песня о том,
Как по пути обратно
На краю города
Увидел я голубятню.
Маленький мальчик
Кормит своих пернатых,
С дедушкой вместе
Он им давал когда-то
Веселые имена:
Фасолька, Луна,
Дирижабль,
Капля,
Лучик и Корешок —
С дедушкой голубям
Было так хорошо!

Но ушел
Их дедушка
На белое облако,
И достались мальчику
Голуби,
Голуби,
А деревья в саду
Вздохнули-охнули:
Как же теперь мы
Будем без дедушки?
Кто же теперь
Подрежет нам ветушки?
Кто уберет листву
У корней?
Кто скажет,
Что всех мы стройней,
Зеленей,
Красивей,
Любимей?»
«Не грустите,
Деревья и голуби, —
Мальчик сказал им, —
Не опускайте головы,
Я теперь буду за дедушку,
Буду давать вам

Хлебушек
И подрезать ветушки,
Только вы
Летите-летите,
Только вы
Цветите-цветите!»



О ВОЛКОЛИСЬЕМ ЯЗЫКЕ

Волколисий язык относится к группе лесных, подгруппе звериных языков. Он по-волчьему протяжный и по-лисьему отрывистый. Произношение его сложное: тот, кто не родился волколисом, вряд ли сможет разговаривать на этом языке без акцента.

Учебников волколисского языка до сих пор не существует, так же как и словаря. Однако Академия Лесных Наук готовит большое издание, посвященное волколисскому языку.

Обладателям музыкального слуха выучить волколисий язык будет легче. Особенное внимание стоит обратить на то, что нередко речь волколиса похожа на песню, а иногда даже — на оперную арию. Перед тем как приступить к изучению волколисского языка, желательно спеть гамму в тональности фа-мажор, а потом и в ре-миноре, чтобы услышать, как одна и та же нота — си бемоль — может звучать то радостно, то с тоской. Так и звуки волколисского языка: например, если вы хотите сказать, что вам грустно, то следует произнести «á-a-ар», и это

будет совсем не то «а-а-а», как в возмущении «а-а-а́-вув» или в спокойном вопросе «а-уау».

Но даже если у вас нет пианино под рукой или вы не знаете, как сыграть гамму фа-мажор, то можно перед началом обучения послушать вторую арию Царицы ночи из оперы В. А. Моцарта «Волшебная флейта».

Времен в волколисьем языке всего два — прошедшее и настоящее. О будущем волколисы могут думать, но никогда о нем не говорят.

Образование времен тоже простое. Достаточно добавить «уа-ар» к любому слову, как вы поместите его в прошлое. Так, например, «ма» означает «еда», «я ем», а «ма уа-ар» — «я поел» или «была еда, а теперь нет ее». Зависит от смысла беседы.

«Ва» отрицает всё что угодно, и произносят это звукосочетание обычно перед тем, что отрицают: «*ва ма уа-ар*» означает «я съел что-то, но явно это было нечто несъедобное», «*ма ва уа-ар*» — это уже понятное нам «я не поел».

Чем дольше звук «а» в этом «ва», тем сильнее отрицание: «ва-араш-ш-ш» — что-то, что невозможно понять. «*Ва-а-араш-ш-ш-ш*» — что-то, что не поймет даже самый мудрый волколис.

ВОЛКОЛИСИЙ СЛОВАРИК

А-а-а-вув! — выражает крайнюю степень возмущения,
когда обижают кого-то из ближнего круга волколисов.

А́-а-ар — всё, что связано с грустью.

А-а-ар уа-ар — дословно: мне было грустно.

Акавар-р — означает удивление и радость.

А-уау? — вопрос, на который не ждут ответа.

Ва-а-аурла — означает невозможность двигаться дальше.

Ва-араш-ш-ш — что-то, что невозможно понять.

Ва р-рэр — выражает уверенность в том, что то, о чем
идет речь, делать не хочется.

Ва-уа́-уа-р-р-ру! — ругательство.

Ва уэв — точно, наверняка, без сомнений.

Ву-ур-Рэр — Древний Закон.

Вэф-хыр! — выражает почтительное отношение к про-
явлению чужой силы.

Ири-ри́-ик — непонятный объект, напоминающий че-
ловека. Возможно, человеческий детеныш.

Йу-у уа-ар — означает передвижение по чужой мест-
ности в прошедшем времени.

Макка — дословно: цветок.

Р-р-р-ру! — выражение проклятия.

Р-р-рэу — дословно: рога.

Рý-у рар — кто-то или что-то неприятное.

Рэ-рэ-рэ — дословно: нет-нет-нет.

Уá-уа! — означает удивление и страх вместе.

Урла-ва-ик — состояние неподвижности, отсутствие движения.

Уэв-ав-ва́-ав — выражает решительное намерение что-то сделать, чаще всего с воинственным оттенком.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Кто ты, куча сухих листьев?	5
Поговори со мной	10
Новое имя	13
Так что тебе нужно?	16
В поисках цели	20
Перед путем	24
Начало пути	28
Дальше	31
Хозяин хвоста	33
Странная, конечно, просьба	37
На чердаке	40
Знакомство	43
История волколиса Августа	46
Пурпурный Лес	46
Изгнание	49
Черное Солнце	52
Малыш-Ав в отчаянии	56
В путь! Вдвоем!	61
Размышления у озера	63

Происшествие на озере	68
Она живая!	72
Что все-таки случилось?	76
Страх в курятнике	79
Ночь на улице	83
Макке пришла идея	84
Призрак, выходи!	87
А это не так и сложно	91
Дорога налегке	95
Засуха	102
Лес в огне	106
Прощание с Маккой	113
Путь вдвоем	117
Куплеты Волколиса	119
Мария	123
Вой волколиса	133
Камни	136
Кедры	140
Озеро	145
Козерог	154
На пути к Поляне Страха	161
На Поляне Страха	168
Лютик	173
Акавар-р	186
Коготь Августа Пышнохвостого	190

Прощание	197
Холодное время	200
Восхождение	203
О волколисьем языке	217
Волколисий словарь	219

Литературно-художественное издание
Маркировка согласно Федеральному закону № 436-ФЗ: 12+

СТРОКИНА Анастасия Игоревна
ДЕРЖИОБЛАКО

Художник Ева Эллер (@eva_eller_art)

*Генеральный директор Наталья Эйхвальд
Главный редактор Анна Осташевская
Ведущий редактор Вера Алексина
Технический редактор Лина Сон
Литературный редактор Ольга Корф
Художественное оформление и верстка Владимир Елисеев
Корректоры Зоя Скобелкина, Надежда Власенко*

ООО «Издательский дом «Пять четвертей»
115419, Москва, 2-й Рощинский проезд, дом 8, строение 4
fivequarters.publishing@gmail.com

Ищите нас в социальных сетях:



По всем вопросам, связанным с приобретением книг издательства,
обращаться в ТФ «Лабиринт»: 8 (495) 780-00-98; www.labyrinth.org


Подписано в печать 26.03.2021.
Формат издания 70×100/16 (160×230 мм).
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,2.
Тираж 5000 экз. Заказ № ВЗК-02554-21.

Произведено в РФ. Дата изготовления 10.04.2021.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Larisa_F





Поле

Город

Озеро
Кулик

Дом
Мастера Муна

Дом, сад и
старика

Белая
Гора

Деревня
Дворики

Пурпурный
Лес

Заброшенный
дом

голубятня
Капитакана

